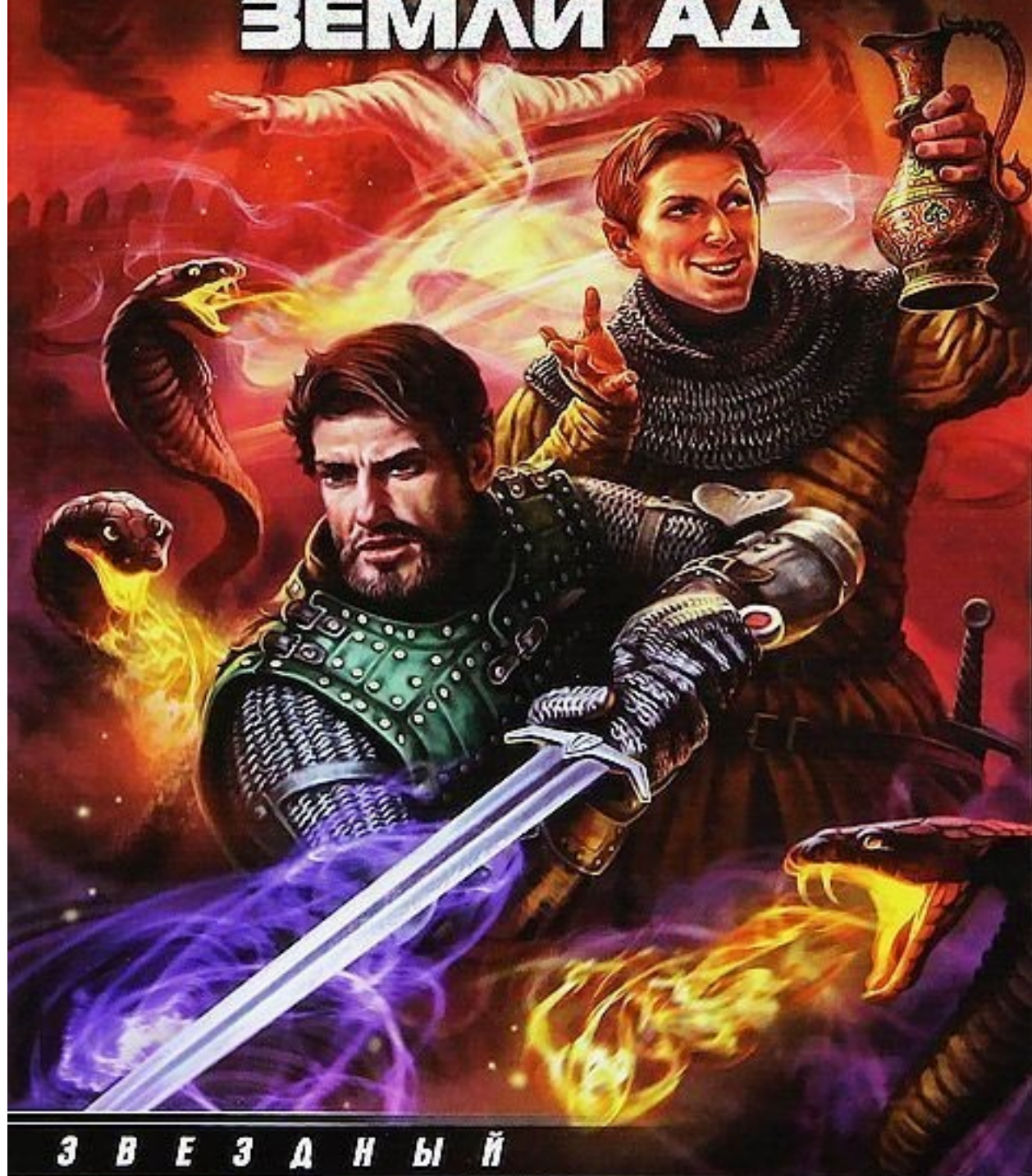

Владимир Сержин

БАШНИ ЗЕМЛИ АД

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Институт экспериментальной истории

Владимир Свержин

Башни земли Ад

«Владимир Свержин»

2012

Свержин В.

Башни земли Ад / В. Свержин — «Владимир Свержин»,
2012 — (Институт экспериментальной истории)

В средневековой Европе едва пробиваются первые ростки Возрождения, а беспощадный враг стоит у ворот, грозя растоптать все на своем пути. Объединившись, Европа могла бы найти силы для отпора Железному Тамерлану и Молниеносному Баязиду. Но... Монархи и рыцари вдохновенно воюют друг с другом за мосты и огороды, замки и титулы. Кто помешает непобедимому Тамерлану присоединить к своей империи «лоскутное одеяло» Европы? На этот раз задача так сложна, что Институт Экспериментальной Истории посылает в сопредельную реальность лучших оперативников – благородного Камила, хитроумного Лиса, неотразимого Дюнуара, мудрого Хасана. С этого момента в разных концах мира начинают происходить удивительные события.– Вы что же, собрались идти походом на Луну?– На Тамерлана.– Уж лучше бы на Луну! Кардиналы и кондотьеры, полководцы и разбойники объединились, чтобы сражаться. Но чтобы победить, нужно еще разгадать тайну неуязвимости Железного Тимура...

© Свержин В., 2012

© Владимир Свержин, 2012

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	34
Глава 5	42
Глава 6	52
Глава 7	61
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Владимир Сержин

Башни земли Ад

Пролог

*«Нам жизнь такое сочинила,
Дала такие траектории,
Как будто наша кровь – чернила
Для написания истории».*

В.Сержин

Здание института Экспериментальной истории, любезно предоставленное правительству семейством герцогов Бедфордских, в прежние времена служило одной из многочисленных резиденций этого древнего рода, близкого к английскому королевскому дому.

Знаток архитектуры затруднился бы ответить, в каком стиле строилось роскошное поместье. Старая, еще нормандской поры, башня, воздвигнутая на сорокаярдовом насыпном холме – ламотте, недоверчиво и настороженно, как восемь сотен лет назад, поглядывала на округу недобрым прищуром бойниц, уж сколько лет напрасно дожидаясь появления врага. Чуть в стороне возносились к небесам готические шпили чудом уцелевшей во времена Кромвеля церкви. Совсем рядом горделиво взирал на подъезжающих гостей величественный господский дом работы знаменитого архитектора Кристофера Рена.

Дальний предок нынешнего представителя её величества в Институте, – двадцать третьего герцога Бедфордского, владелец столичного района Ковент Гарден, был приставлен надзирать за восстановлением Лондона после великого пожара в 1666 году. Тогда-то и завязалось тесное знакомство вельможи с великим зодчим. Недоброжелатели поговаривали, что герцогский особняк выстроен на деньги, отпущенные казной для восстановления города.

Но сотрудники Института, деловито спешащие по коридорам этого огромного здания, не слоны вникать в подобные обстоятельства. Здесь творится история порою куда более драматическая, нежели та, о которой сплетничали недруги рода Бедфордов.

Здесь творится история сопредельных миров.

Кропотливая, незаметная постороннему глазу и непонятная непосвященным работа кипит здесь повсюду: и в окруженной огромным парком чесвикской вилле, и в чопорных викторианских мезонинах, и в безликих коттеджах институтского городка, выросших, точно шампиньоны, на асфальтированной грядке XX века.

Смешение веков и стилей само по себе напоминает о сути работы Института. Непроницаемый периметр, воплотивший самые умопомрачительные новинки охранных технологий века XXI, гармонично завершает эту своеобразную картину, служа ей чрезвычайно дорогостоящим обрамлением.

Голос Готлиба фон Гогенцоллерна в телефонной трубке звучал раздраженно:

– Ваша милость, я не знаю, где в данный момент находятся Уолтер Камдейл и Сергей Лисиченко. У этих господ своеобразное понимание слова «дисциплина». Если они не отвечают на ваши звонки, то, можете поверить, на мои они не отвечают тем более. Когда увидите этих джентльменов, будьте любезны передать, что я крайне ими недоволен.

– Непременно, – лаконично ответил Джордж Баренс, заканчивая разговор.

Ему, корифею отдела разработки, было хорошо известно, что педантичный аккуратист Гогенцоллерн не жалуется своим чересчур своенравных подчиненных из Лаборатории рыцарства.

Как всякий преуспевший в кабинетной науке ученый, он искренне полагал, что все эти командировки в сопредельные миры безнадежно портят и без того не слишком подходящих к роли адептов высокого знания людей. И не будь Вальдар Камдил и Лис одними из лучших институтских оперативников, он бы давно, всеми имеющимися ребрами, поставил вопрос об изгнании несносных козлиц из благопристойного овечьего стада. Но, увы, кому-то нужно было делать «грязную работу».

Джордж Баренс поднялся из-за стола и направился к двери кабинета. Его секретарша, услышав звук открывающейся двери, моментально свернула открытый на компьютере пасьянс и устремила пристальный взгляд в присланную утром вероятностную раскладку событийных рядов подконтрольных сопределов. Словно только сейчас заметив появление шефа, она повернулась, убирая локон со лба, и широко улыбнулась.

– Как ты думаешь, – обратился к ней руководитель отдела разработки, – Где сейчас можно разыскать Уолтера Камдейла и Сергея Лисиченко?

– В фехтовальном зале, – с романтическим вздохом ответила секретарша.

– Вы, как всегда, прекрасно осведомлены. – не скрывая иронии, кивнул Баренс.

– Стараюсь, – уже в спину проходящему начальнику, скромно ответила девушка, возвращая на монитор «Косынку».

Фехтовальный зал, оставшийся практически без изменений с последней трети XVII века, был полон народа. Еще из коридора раздавался гул множества голосов и звон клинков. Среди многоголосья отчетливо слышались пояснения Лиса:

– А камзолы они сымают потому, шо, ежели тулово продырявить рапирой, то на нём останется куртуазный шрам. Его при случае можно будет мамзелям демонстрировать, ну, а повезет, и мадамам. А что проку с дырки в камзоле? Одни убытки!

Баренс вошёл в зал. У стен, оживленно переговариваясь, жались ценители фехтовального искусства, многие в колетах и с тренировочным оружием в руках. Посреди зала, самозабвенно звеня шпагами, перемещались два лучших институтских фехтовальщика, признанные мастера клинка – Мишель Дюнуар и Уолтер Камдейл.

– Вот это, – на ходу пояснял зрителям Дюнуар, – «обман Анджело». Вот, глядите. Атака, батман, еще батман. Разворот...

Он повернулся, уходя с линии атаки, и резко послал клинок вперёд. Его оппонент скользнул в сторону, пропуская оружие мимо себя, и, в свою очередь, пояснил:

– Укол вслед за парадом у острия шпаги на человека неподготовленного производит фатальное впечатление. Часто несовместимое с жизнью. Но прием довольно опасен и для самого атакующего. Контролировать оружие противника на развороте почти невозможно. и контратака может последовать незамедлительно. Вот так – мулинет и, вуаля! Туше!

Он отсалютовал противнику:

– Продолжим?

– Нет, – вмешался лорд Баренс. – Джентльмены, пойдемте в мой кабинет. Сергей, вас также прошу присоединиться к нам.

– А я тут причем? Я тут не шалил, не кричал, железками не размахивал, слова нехорошие на стенах не писал. Даже постель с утра застелил!

Баренс молча покачал головой. Унять этого неумного балагура не смог бы даже упомянутый здесь Доменико Анджело с его хитроумными фехтовальными приемами.

– Ну да, конечно, всегда так – продолжал Лис с такой горячей слезой в голосе, что ее можно было заливать в бензобак любого гоночного болида. – Трудовые будни – праздники для нас. На какой обочине миров на этот раз пикничок устраиваем?

– Всему свое время, – обнадёжил шеф отдела разработки. – Следуйте за мной.

– Располагайтесь, – скомандовал лорд Баренс дружной компании. Вот. Вот, посмотрите. Пришло утром из ближнего сопредела.

– А я так надеялся, что это приказ о прибавке к жалованию, – сокрушенно вздохнул Лис. – Пусть же прах моих надежд развеют над сейфами бухгалтерии, и вот, когда там вырастет много зелени...

– Сергей, – оборвал его Камдейл. – не время и не место.

– А по-моему – как раз место. Где ж еще прах надежд развеивать? А шо касательно тех проб агентурного пера, которые нам тут подсунили, то знаю я эти письма в редакцию. Стаци понаписывают семь верст до луны, и все лесом, а нам потом – заморишься пыль глотать.

– На этот раз, вероятно, именно так и будет, – обнадежил лорд Баренс. – Вот только Хасан Галаади из отдела мягких влияний отнюдь не паникер.

– О, – глубокомысленно изрёк Мишель Дюнуар, углубляясь в чтение, – уже интересно.

– Даже интереснее, чем вы думаете. Вводная такая. Вы, конечно же, помните битву при Анкаре.

– Как же, помним, – подтвердил Вальдар.

– Ага, как щас помню! Погнали наши городских. Наши спереди, городские сзади.

– В ней Железный Хромец Тамерлан разгромил султана Османской империи, Баязида Молниеносного... – не обращая внимания на едкий комментарий оперативника, продолжил лорд Баренс. – В нашем мире эта победа фактически спасла Европу от нашествия Османов.

Как мы с вами помним, всего за несколько лет до того под Никополисом Османы в пух и прах разнесли объединённую армию крестоносцев. Тогда султан не сумел развить успех: большие потери, возня с осаждённым Константинополем, угроза нашествия с востока... Всё это не позволило нанести завершающий удар по Европе. А после разгрома под Анкарой у него и вовсе такого шанса не осталось. Тамерлан возил плененного султана за собой в клетке, пока несчастный не умер от огорчения.

– И шо? Здесь Баязид вжился в образ ручной обезьянки? Недобитые янычары по ночам тайно носили ему бананы, похищенные из тамерлановского обоза и гейши, ну, в смысле, одалиски, приходили плясать ему при свете луны...

– Читайте донесение, – оборвал поток его красноречия Баренс. – Как сообщает Хасан Галаади, работающий ныне дервишем в восточном секторе наблюдения, Баязид нашел общий язык с Тамерланом, и теперь они готовят совместный поход на Европу.

– Да, двух таких «подарков» для одной Европы многовато. – Покачал головой Мишель. – Позволю себе риторический вопрос: неужели по сей день в том сопределе не нашлось отчаянных храбрецов, которых бы Тамерлан допек столь невыносимо, что они пожелали бы рискнуть жизнью, дабы положить конец злодействам Железного Хромца?

– Ты имеешь в виду покушения? Они были. – Баренс повернулся к шкафу и достал одну из папок. – Тринадцать покушений только за последние шесть лет. И каждый раз они странным образом срываются. Порою очень странным образом.

Вот, посмотрите. Конечно, у Тимура непревзойденная контрразведка и служба безопасности, но даже это не объясняет всех провалов. Поглядите, например, покушение номер семь. Убийца-исмаилит смог подобраться вплотную к Тимуру. Он проник к нему в шатер, когда тот спал. Однако, стоило ему обнажить кинжал, он был укушен коброй и скончался в страшных муках.

– Кобра ночью? Да еще и в шатре Тамерлана?.. Действительно, странно.

– Не менее странно, чем внезапно сошедшая лавина, погубившая отряд курдских лучников, засевших над горной тропой, по которой двигался Тимур со своими приближенными. Десятки трупов вокруг – на Тимуре ни царапины.

– Ядрен-батон, мне б такую удачу, давно б в Сочи жил! – Восхитился Лис.

– Простите за каламбур, джентльмены, но для нас такая удача – большая неудача.

Европа обескровлена.

В Англии совсем недавно произошла смена династии, и положение монарха очень шаткое.

Во Франции, впрочем, как и на острове, только-только закончилась эпидемия чумы. Вдобавок к этому, в разгаре столетняя война, плюс безумный король на троне.

В Священной Римской империи – разброд и шатание. Сам император, просыпаясь утром, толком не знает – у власти он еще, или уже нет.

В Испании несколько сот лет не прекращаются войны с маврами. Италии, как таковой еще не существует, но тамошние герцогства со всем южным размахом заняты сварами друг с другом. Папа Римский им в этом активно помогает, а папа Авиньонский, который тоже притворяется Римским, строит козни направо и налево, желая вернуть себе трон Святого Петра.

– Ага. В общем, всем весело, и нам чуть-чуть.

– Вам будет значительно веселее, чем остальным, – пообещал лорд Джордж. – В связи с тем, что после разгрома при Никополисе Европа не может противостоять объединённым силам Тамерлана и Баязида, руководство Института приняло решение откомандировать в сопредельные вас. Задача, как вы, несомненно, понимаете, лежит на поверхности: остановить вторжение.

– Ну вот, – обреченно констатировал Лис, – знал ли я, читая священную для каждого юного пионера книгу «Тимур и его команда», что вот этими самыми руками, да по тимуровцам...

– Лис!!!

Глава 1

«Война состоит из непредусмотренных событий».
Наполеон I

Дорога была старая, почти непроезжая. Замшелые в человеческий рост дубы сомкнули над ней огромные кроны. Даже среди бела дня здесь царил полумрак. Лишь там, где солнце пробивалось меж ветвей, на камнях виднелись светлые пятна. От этого тропа через Арденны казалась покрытой белесой пылью. Но и без того всякому было видно, что дорога при смерти. Глубокие промоины – следы весенних ручьев никто не засыпал, никто не разгребал сползшие с гор осыпи, никто не растаскивал упавшие поперек дороги деревья.

– Капитан! – Лис прищипорил коня, заставляя его перепрыгнуть через очередной древесный ствол, угрюмо лежащий на пути, – шо-то мне подсказывает, этот путь не ведёт в светлое будущее. Больше тебе скажу: ежели б не долбанные колдобины, я бы решил, шо это та самая дорога, мощеная благими намерениями. Скажи мне, как тактик и стратег в одном флаконе, о чём думали наши проходчики, когда монтировали камеру перехода в этом... как бы это выразиться, щоб не выразиться, нижнем загравке мира.

– О том, чтоб нас не засекли на выходе, – хмуро отозвался Вальдар Камдил. – Как обычно.

– Тогда б уже сразу на Южном полюсе ваяли. Там уж точно не засекут.

– Там нас ожидает слишком прохладная встреча.

– Да и здесь как-то полное наличие отсутствия присутствия оной: ни цветов, ни шампанского, ни девушек в кокошниках с хлебом-солью.

– Кокошники нам совершенно ни к чему, но одну девушку сейчас как раз предстоит разыскать. А насчёт шампанского – лучше не заикайся. Не забывай, что мы въезжаем в Бургундию, а её правители испокон веков считаются королями христианских вин.

– После вчерашней отвалной это обнадёживает. Слушай, капитан, а поведай мне вкратце, шо за очередная прекрасная дама нарисовалась на нашем тернистом пути, и какое отношение она имеет к поправанию и потоптанию вражеских полчищ?

– Баренс же объяснял...

– Пока он объяснял тебе, благородному рыцарю, каких гоблинов надо будет оттроллить, я занимался серьёзным делом – подбирал... нет, лучше будет сказать отбирал у хозчасти подарки для всяких празднующихся VIP-персон. Ты же у нас кто? Странствующий рыцарь в поисках десятки? Ни фиги ни разу! Ты – секретный посланец таинственного и могущественного пресвитера Иоанна! Звезды Востока и христианского Императора затуманных царств. И ведь шо показательно: все про этот свитер еще с колыбели слышали – никто не видел. Я, между прочим, тоже слышал. И без всяких там Баренсов. Там золотиносные муравьи ежедневно при-таскивают в закрома родины по пуду драгметаллов. Ты, кстати, не знаешь, где у них муравейник? Я бы десяток-другой прихватил.

– Лис! Только не говори мне, что ты собираешься раздавать добытое непосильным трудом насекомых золото местной знати.

– Капитан, ты из берегов-то не выходи! Я шо, по-твоему, неизлечимо болен?

Мы же тайными тропами едем с Востока, причем довольно-таки дальнего! Я прихватил чёрный перец, гвоздику и прочих драгоценных пряностей из гастронома. Всё думал – вытряхивать их из пакетов, или ну его. Только представь: вваливаемся мы к герцогу, выкладываем на стол расфасованные в пакеты с индийской вязью специи для плова. Светлость шупает товар и, горя взором, понимает, что заморский Ваня нереально крут, потому как ни на каком ткацком станке целлофан не соткёшь, а применение эдакого материала, скажем, в женской одежде,

неминуче привело бы к демографическому взрыву в Европе, столь необходимому в её, не пойми меня правильно, критические дни.

– Лис, тебя опять куда-то понесло. Дай отдых языку.

– Не дают позаботиться об Европе! Более того, слова не дают сказать! Душат прекрасные порывы. Но если правде затыкают рот, она говорит другим способом!

– Лис!!!

– Ну ладно, шо ты кричишь? Сейчас как набегут все лисы из леса, – тебе сильно полегчает? Я только хотел дать тебе возможность собраться с мыслями, шоб поведать о прекрасной даме, к которой стоит наш путь.

– Лежит, – поправил Камдил.

– Путь к прекрасной даме? Ну, тебе видней.

Камдил подавил тяжкий вздох и безнадежно махнул рукой.

– Начать придется с небольшой предыстории. Когда Тамерлан взял в плен Баязида, он в свойственной ему манере решил сокрушить, но теперь уже не военную мощь владыки правоверных, а его султанское величие.

– Про клетку я уже слышал, – напомнил Лис.

– Клетка здесь не при чём. Камера, клетка, – лишь досадные превратности судьбы. Тамерлан – большой выдумщик на тему, как бы побольнее пнуть ближнего. Но здесь Баязид сам подставился. Надо же было ему написать Тамерлану в вызове на бой похабную чушь по поводу гарема Железного Хромца. Я не исключаю, что Владыка Самарканда и сам уже чувствует, что в его годы бегать за красотками ещё можно, но вспомнить, зачем, удастся не всегда. А тут ещё сорокалетний «юнец» напоминает, что лучшие годы жизни позади.

– Ну, понятно. Мужик обиделся. Дальше-то что?

– Дальше? Первым делом, разгромив султана, Тимур отловил его гарем...

– Ну и...

– Ну и не угадал. Повелитель Самарканда распустил жён по домам.

– Офигеть! Буквально, красноармеец Сухов. И что нам с тех освобождённых женщин Востока?

– Нам с тобой нужен лишь один цветок из всей благоуханной клумбы владыки правоверных. Среди многочисленных тамошних гурий и пери затесалась некая красавица, именуемая Анна Венгерская. Как утверждает наш общий друг Хасан Галаади, девушка не только хороша собой, но и весьма сообразительна. Избавление от брачных уз застало её в то время, когда она методично и уверенно расчищала себе дорогу к сердцу Баязида и, понятное дело, к власти над Османской Империей.

– Достойная женщина. Чем-то напоминает прелестную Никотею.¹

– Упаси Бог! Но одно можно сказать точно. Распустив всех прочих султанских красоток, Тамерлан целых три дня провел, общаясь с Анной.

– Общаясь, или «общаясь»?

– Общаясь, – уточнил Камдил. – Во всяком случае, так пишет Хасан. А на исходе третьего дня он призвал к себе благородного рыцаря Сотомайора, посланного к нему королём Испании с изъявлением самых дружеских чувств и едва ли не братской любви...

– Братская любовь у монархов – дело известное: чуть зазевался, – тут тебе и братская могила.

– Тамерлан и «зазевался» – слова из разных словарей.

– Так вот, Повелитель Счастливых Созвездий, как именуют Тимура в Самарканде, приказал Сотомайору отправляться в обратный путь и сопровождать прелестную венгерку туда,

¹ См. романы Владимира Свержина «Лицо отщепенца» и «Сын погибели».

куда она пожелает. Более того, Железный Хромец снарядил корабль и отсчитал рыцарю столько золотых кругляшей, что на эти средства можно было организовать круиз вокруг Земли.

– Ну что за непруха! Где ж я был в это время? Шо ж Хасан раньше не подсуетился? Мы ж лучшие в мире сопроводатели прекрасных дам! Ну-ну, рассказывай дальше. Уже интересно.

– А что дальше? Сотомайор выполнил полученное ему дело с честью и привёз очаровательную венгерку в Бургундию.

– Так. Шо-то я запутался. Я, конечно, понимаю, шо на глобусе Украины Венгрия обозначается бутылкой токайского в кольце сухой колбасы салями. Но где все это, а где – Бургундия!

– Анна в более или менее близком родстве практически со всеми монархами Европы. К примеру, её кузина по совместительству приходится женой здешнему герцогу.

– А-а. Ну, понятно. Годы разлуки с любимой сестричкой.

– Почти, – кивнул Вальдар. – Если ты помнишь, Бургундия на сегодняшний день – едва ли не самое богатое государство Европы. А у Анны, ко всем её прелестям, есть одно маленькое, но замечательное достоинство...

– Ну-ка, ну-ка! Разговор коснулся женских достоинств?! Я замер в ожидании.

– Оставь свои шуточки! Прав на престол Священной Римской Империи у неё едва ли меньше, чем у нынешнего Императора Сигизмунда. Так что счастливцев, заполучивший её в жёны, да к тому же поддержанный герцогом Бургундским, имеет очень неслабый шанс взойти на императорский трон.

– Ага, вот такая вот золотая невеста. Умница, красавица, с хорошим приданым. Я так понимаю, капитан, план, как говорится, подкупающий новизной: мы с тобой аккуратно разгоняем всех прочих воздыхателей, а дальше вы под колокольный звон и марш лейб-гвардии атаманского полка – к алтарю, кольцами меняться. Дельная мысль! Императорский трон – вполне удачное место для поднятия волны и одновременно дубины народного гнева.

– Об этом говорить преждевременно. Но, как утверждает Хасан, и не верить ему оснований нет, в нашем деле Анна может стать ключевой фигурой. Во-первых, она лучше, чем кто бы то ни было в Европе, разбирается во всех хитросплетениях интриг султанского двора, а возможно, и окружения Тамерлана. Что, как ты понимаешь, для нас жизненно важно. Во-вторых, необходимо срочно выяснить, не завербовал ли Железный Хромец принцессу Анну. Подумай сам, что может случиться, если в момент нашествия объединённого воинства на Европу оплот и, буквально, ось христианского мира – Священная Римская Империя в один момент капитулирует перед захватчиками.

Лис остановил коня:

– Хм. Щас подумаю.

Он спешился и зашагал к ближнему подлеску.

– Ты не волнуйся, я быстро думаю.

Сергея не было довольно долго. Когда же он, наконец, появился, лицо его казалось если не встревоженным, то, уж точно, удивлённым.

– Капитан, есть две новости.

– Хорошая и плохая?

– Это как посмотреть. Ну, первая лежит на поверхности. Я подумал и решил: Европе будет хреново. Совсем кырдык ей будет.

– А вторая?

– Вторая новость странная. Идём-ка со мной.

Камдил последовал за напарником, и через несколько минут друзья оказались на небольшой, изрядно вытоптанной поляне.

– Вот, погляди, Вальдар, – Лис указал на сырую от утренней росы землю. – Видишь след? В продавленной грязи виднелся чёткий отпечаток медвежьей лапы.

– Да-а, большой зверюга, – прикинув по размеру следа величину животного, констатировал Камдил.

– Не маленький. – Лис потянул друга к ближайшему дереву. – А вот ещё следы. Здесь – обутая нога, здесь – разутая. А вот здесь уже и медвежьей.

– Ты хочешь сказать... – медленно проговорил Вальдар.

– То, шо я хочу сказать, лучше никому не слышать. Но, сдаётся мне, я знаю, почему эта дорога стала непроезжей. Таких следов разного размера я насчитал по округе не меньше дюжины.

– Медведи-оборотни?

– Если бы я впервые отправлялся в сопредель, я бы с возмущением отверг столь антинаучную версию. Представляешь, что сказал бы на эту тему старина Готлиб?! Но, поскольку этот выезд даже не десятый... Вальдар, убираться бы отсюда надо поскорее, а то эта венгерско-бургундская Анна и не всплакнёт, оставшись в неведении, как много она потеряла, лишившись внимания двух столь обаятельных кавалеров.

– Это верно, – Камдил положил руку на эфес меча. И в этот миг закрытая связь зарокотала в голове бархатистым низким голосом Мишеля Дюнуара.

– *Джокеры, как там у вас погода? Как устроились на новом месте?*

Опахало из страусовых перьев поднималось и опускалось над головой Повелителя Счастливых Созвездий. Мускулистые невольники-эфиопы без устали обмахивали восседающего на троне старца. Золоченый трон, украшенный самоцветными камнями, выложенный резными пластинами слоновой кости, стоял в выдавшей виды походной юрте. Этот шатер из белого, со временем посеревшего войлока, прошел с Тамерланом от Самарканда до Адрианополя и помнил грозного старца еще молодым и полным сил воином.

В отличие от шатра, трон прежде значился меж символов власти султана Баязида, но теперь поверженный властитель, ещё недавно гордо носивший звание Тени Аллаха на Земле, сидел чуть поодаль хмуроликого завоевателя на низкой кошме, заваленной расшитыми шёлком подушками. Баязид казался погруженным в размышления. По всему видать, невеселые. Ладонь его красовалась на рукояти бесценного кинжала, шедевра непревзойденных дамасских мастеров. Другая рука султана нервно теребила за спиной золотую кисть подушки.

Лишенный величия повелитель старался не глядеть на человека, стоящего перед грозным Тамерланом с таким дерзким видом, будто не ведомо было всем и каждому от полноводного Инда до Срединного моря, что следует унижено преклонять колени и опускать очи долу пред живым воплощением карающего меча в руке Аллаха.

Человек, дерзнувший прямо глядеть на повелителя, пожалуй, был не старше султана, хотя длинная борода и прибавляла ему лет. Рваная шерстяная накидка висела на нём клочьями, и он то и дело придерживал спадающий с плеча лоскут выцветшей грубой ткани.

– Ты ли тот человек, которого именуют Хасан Галаади?

– Я, великий амир.²

– Знаешь ли ты, кто перед тобой?

– Догадаться не сложно, даже ни разу прежде не видав. Слава Тимура мчится впереди самых быстрых всадников из твоих орд.

– Отчего же тогда стоишь, как степной байбак?

– Лстецы именуют тебя, амир, мечом Аллаха. Всякий день пять раз я преклоняю колени пред могуществом отца всех правоверных, но пристало ли так же воздавать хвалу его мечу, поясу, сандалиям?

² Амир – князь, принц; вопреки мнению многих авторов, Тамерлан не был ни султаном, ни шахом, ни ханом, а только амиром. И всегда возил с собой номинального «Повелителя» из Чингизидов.

Баязид нахмурился, опустил глаза, но искоса глянул на своего победителя. Ему показалось, что на лице Тамерлана быстро, точно кобра по раскалённому камню, скользнула усмешка. Скользнула и пропала.

– Ты дерзок, Хасан Галаади. Очень дерзок. Знаешь ли ты, что я могу казнить тебя за это?

Дервиш безучастно пожал плечами:

– Если будет на то воля Аллаха.

– Ты что же, – заинтересованно подняв брови, спросил Тамерлан, – хочешь убедить меня, что не дорожишь жизнью?

– Всякая тварь под небом дорожит жизнью. И букашке, втопанной в пыль копытами твоего скакуна, и даже кедру, из которого сделан трон, ныне ставший твоим, была отраднa жизнь. Но посредством творений своих на Земле Аллах осуществляет свои высокие, неподвластные разумению смертных, замыслы. И ты, великий амир, и низвергнутый султан Баязид, и я – нищий дервиш – лишь части божьего плана. Чего бы ни желали ты или я, лишь Его замысел – воплотится!

Тамерлан улыбнулся, уже не скрывая более, что ему нравится разговор.

– Ты и вправду мудр и красноречив, как о том рассказывают.

Хасан Галаади молча воздел ладони к небу.

– Говорят также, – продолжал Железный Хромец, – что ты обладаешь даром пророчества.

– Я – не Магомед, не Иса, не Муса, мир праху благочестивых. Не верь глупцам, сеющим пустоту и разносящим слухи. Мне ни к чему присваивать чужое звание, сколь бы лестно оно не звучало.

– Но ведь правда, что ты предсказал Баязиду победу при Никополисе?

– Я хорошо знаю западных варваров. Они храбры, но тщеславны. Каждый из них в бою рвётся вперед, а следовательно, никого не заставишь прикрывать спину собрата по оружию. Ибо второму не достанется ни славы, ни добычи. Под Никополисом собралось большое войско, но каждый из отрядов шёл под своими знамёнами. В часы мира эти воины не верили друг другу, в бою же мешали. Лишь гнев Аллаха мог помешать Баязиду сокрушить неверных. Я же вопрошал просветленного учителя моего Абу-Хамида, вознесённого к престолу Господнему и он поведал мне, что Аллах благоволит к Баязиду.

– Но ведь ты предрек ему и разгром при Анкаре.

– Разве это сложно было сделать?

Хасан кинул взгляд на помрачневшего султана:

– Он рвался в бой не менее, чем до того храбрецы из полчищ христианских варваров. Оттого и бросил выгодную позицию и поспешил навстречу тебе. Вернее, Баязид думал, что спешит навстречу. Всякому, кто со вниманием и усердием следил за твоими победами, великий амир, ясно, что ты не стал бы медлить, дожидаясь врага, а уж тем паче, отступать. Это значило лишь одно. Ты пошёл иным путем, более длинным, но зато изобилующим пастбищами и источниками воды. Баязид, спеша вкусить плоды великой победы, повёл войско короткой дорогой, страдая от голода, жажды и жары. И жестоко обманулся в своих надеждах, так и не обнаружив тебя. Вернее, обнаружив, но у себя за спиной. На той самой оставленной им позиции.

Галаади на мгновение замолчал.

– К тому же, я говорил ему, что сербы ненадёжны, и оставят султана, едва появится возможность. Но это тоже не было откровением свыше. Можно ли полагаться на тех, чьи отцы и братья были убиты твоими руками?

– Что ж, это верно, – кивнул Тамерлан. – Похоже, ты хорошо разбираешься в военном деле.

Хасан со вздохом покачал головой.

– Разве то, о чём я сейчас говорил, имеет отношение к военному делу? Люди остаются людьми, надет ли на них железный панцирь, или ветхое рубище. Я не пекусь о мирских знаниях, ибо передо мной океан истины, заключенный в сердце каждого правоверного, а познавая свою душу, познаешь и своего Господа.

– Ты говоришь мудро, Хасан Аль-Саббах, прозванный Галаади, и все же ты лжёшь! Разве Баязид не послал янычаров, чтобы они привели тебя?

– Послал, великий амир.

– Но ты отказался идти.

– И вновь каждое твое слово истинно. Я был погружен в благочестивые размышления о сказанном в «Заповеди пророка»: «Говорить людям по степени их разумения».

– Тогда они попытались силой привести тебя.

– И снова верно. Увы, так и было. Они набросились на меня, как гиены на смиренного агнца.

– Но ты избил их и обезоружил.

– Не я избил, но мой посох. Я же увещевал их кроткими словами, умоляя оставить меня и не чинить насилия. Но ведь, если заповедано говорить людям по степени их разумения, то палка оказалась ближе к разумению янычар, нежели человеческая речь.

– И всё-таки ты пришел сюда, – не скрывая интереса, усмехнулся Железный Хромец.

– Я надеялся отыскать здесь тех, чье разумение не нуждается в палке, и, что отрадно, не ошибся.

– Но где ты выучился так ловко владеть посохом?

– Я много странствовал, великий амир, – уклончиво ответил Галаади.

– Это понятно и без слов. А откуда ты родом?

– Из Галаада в Трансиордании.

– Стало быть, ты принадлежишь к роду Халила, как и пророк Магомед, мир праху его. Тамерлан задумался на мгновение.

– А что ты скажешь, Хасан Галаади, если я предложу тебе следовать с моим войском?

– Я откажусь, великий амир.

– Почему?

– Я не желаю следовать с войском, как и путешествовать со стадом мулов, ибо не воин, и не мул.

Тамерлан рассмеялся, что в последние годы случалось с ним редко.

– А если я предложу тебе сопровождать меня?

– Я сочту это предложение разумным, великий амир. Трудно отыскать ещё одного столь необычного человека, длань которого, возможно, служит Аллаху для воплощения замыслов его.

Повелитель Счастливых Созвездий хлопнул в ладоши, и в покрытую верблюжьими шкурами палатку вошел, почти вкатился обряженный в парчу евнух. Тамерлан едва бросил на него взгляд и сделал неопределённый жест рукой, вполне достаточный для ревностного служителя. Спустя мгновение на расстеленном перед троном ковре появился низкий лакированный столик, на котором беспорядочно, но густо были водружены ароматные яства и чаши, полные кумыса.

– Ты поделишь с нами трапезу, Галаади?

– Я был счастлив разделить с тобой беседу, великий амир. Подобная же трапеза не подобает дервишу.

– Что ж... – опечаленно вздохнул Тамерлан. – Тогда ступай. Но впредь, когда я призову тебя, не избивай моих людей.

– Не присылай мне воинов с оружием. Присылай верных тебе с добрым словом.

– Да будет так, – улыбнулся Повелитель Востока.

Дервиш поклонился и направился к выходу, спиной чувствуя недобрый взгляд единственного глаза Баязида. У самого полога шатра суфий ещё раз остановился, касаясь перстами лба и к груди и складывая руки перед собой. В тот миг, когда он притронулся к священному амулету, висящему под грубой шерстяной накидкой, в голове моментально активизировалась закрытая связь.

– Джокеры, Вагант, я – Дервиш. Приветствую вас в сопределе. Вербовочный подход, кажется, прошёл успешно. Хотя с Тамерланом, как вы понимаете, ни о чем нельзя говорить наверняка.

– А вот Штирлиц знал наверняка. Хотя Наверняк об этом не подозревал.

– Серёжа, погоди, – вмешался Джокер I, – как там обстановка?

– Как водится, – Хасан поднял глаза.

Примерно в миле от лагеря столбом поднимался к небу чёрный дым. В его клубах смутно просматривались некогда песочно-желтоватые городские стены. Неподалёку от разрушенной крепости едва заметные с холма суетились люди. Они убегали, возвращались, что-то высыпали из корзин на землю. Куча становилась всё выше и выше, а люди сноровисто, явно не впервые, продолжали делать своё дело.

– Это головы жителей города, – пояснил Хасан.

– Да уж догадались, шо не урочай бахчевых, – с неожиданной досадой откликнулся Лис.

– М-м-да... – вздохнул Мишель Дюнуар. – Жаль, что я не могу показать эту картинку своим подопечным.

Часовой у двери в залу чуть замешкался, и в тот же миг тяжёлая рука легла ему на плечо и отодвинула в сторону. Отодвинула с такой лёгкостью, как будто на страже стоял не выдавший виды старый вояка двухсот фунтов весу, а соломенный манекен, по которому татарские юнцы-огланы пускают стрелы с несущихся вскачь коней. Стражник хотел было возмутиться подобной бесцеремонностью, но вовремя спохватился. Стоявший перед ним воин был на полторы головы выше и на треть шире в плечах. К тому же гостя сопровождал княжий тиун³, а стало быть, незнакомец, хоть и казался странным в своём нелепом яркоцветном одеянии, но всё же имел право явиться пред взором повелителя.

Князь Витовт пировал. Охота была изобильна, и чистые реки всякий день одаривали наместника великого княжества Литовского щедрым уловом. За столами, расставленными покоем, разухабисто предаваясь хмельному разгулу, сидели, а порой и возлежали бояре, витязи и гости, прибывшие ко двору из дальних земель. Во главе стола, привлекая всеобщие взоры, располагались Витовт с супругой и приглашённый на празднество, приласканный князем ски-талец, изгнанный Тимуром, недавний хан Золотой Орды, Тохтамыш. Увидев вошедшего, князь остановил жестом очередную здравицу и спросил, возвращая поднятый кубок на столешницу:

– Тиун сказал, что ты – ритер высокого рода и прибыл сюда издалека по неотложному и чрезвычайно важному делу.

– Он сказал правду, – громыхнул рыцарь.

– Как звать тебя? Откуда ты родом и какая нужда привела тебя ко мне?

– Мишель Дюнуар, барон де Катенвиль из Катенвиля на Луаре.

– Стало быть, ты – франк?

– Франк. Но прибыл сюда из другой земли и по велению монарха куда более могущественного и мудрого, нежели безумный Карл.

– Вот как? Кто же послал тебя?

– Я прибыл из далёких, скрытых горами и безводными пустынями владений пресвитера Иоанна – императора Востока.

³ Княжий раб, выполняющий ответственные хозяйственные обязанности. Зачастую, управляющий поместьем

Князь Витовт приподнялся от неожиданности. Ему, как и любому властителю Европы, было хорошо известно, что где-то там, едва ли не у самой границы восхода, расположено огромное сильное царство, в котором некогда проповедовал апостол Фома, брат Спасителя, и в котором нынче правит таинственный мудрый правитель пресвитер Иоанн. Шептались, что ему известен секрет бессмертия, что слуги его могут летать по воздуху, что войско его бесчисленно и богатства несметны.

Не каждый день ко двору прибывают такие гости! Витовт перевёл взгляд на Тохтамыш. Тот безмолвствовал. Он также слышал замечательные рассказы о неведомом царстве где-то за полноводным Индом. Но никто из его аскеров и беков не мог рассказать о нём ничего путного, кроме известных всем легенд.

– Предупрежу твой вопрос, князь, – резко с напором продолжил Дюнуар. – Ты, верно, желаешь узнать, как я, франк, оказался при дворе Императора Востока?

Я был одним из тех, кто чудом избежал плена при Никополисе. Мне верилось, что смогу выручить друзей, которым повезло меньше, чем мне. Я тайно последовал за войском Баязида. Но моих боевых товарищей отправили кораблём в Персию. Я примкнул к каравану, идущему туда. Караван-баша охотно нанимает людей, не задающих лишних вопросов и умеющих владеть оружием. Когда же я, наконец, прибыл на место, то выяснил, что моих соратников там уже нет. По слухам, они отправились дальше на восток.

Странствуя с купцами, я наконец достиг цели. Те мои друзья, что еще оставались живы, были выкуплены мудрым пресвитером Иоанном. Его святейшее величество неизменно добр к единоверцам. Восхищённый могуществом и величием этого государя, я поступил к нему на службу. И вот я здесь, выполняю то, что повелел мой Император.

– Говори же! – заворожённый рассказом посланца, негромко сказал Витовт.

– Ты желаешь, чтобы я исполнил волю пресвитера Иоанна здесь, при всех этих людях? Мой повелитель велел донести его слова лишь до твоего слуха...

Витовт обвёл глазами изрядно протрезвевшие ряды соратников:

– Я верю всем и каждому из этих людей.

– Твоё слово, – пожал плечами барон де Катенвиль – я лишь посланец, исполняющий приказ.

Он отмахнул плащ, открыл висевшую на плече объемистую суму, достал нечто, завернутое в лоскут пурпурного шёлка, подошёл к столу и, водрузив свёрток на столешницу, раскрыл его.

Взорам собравшихся открылся золотой, украшенный пластинами драгоценного электрона⁴ княжий венец.

Князь побледнел. Несколько лет назад в кровавой схватке на Ворскле с полководцем Железного Хромца, Едигеем, этот символ власти был сбит копьем с его шлема. Витовт повернул корону: даже вмятина от удара красовалась там, где должна была быть.

– Тамерлан, покоряя земли к западу от Инда, послал сведущих людей с дарами пресвитеру Иоанну. Но сказано древними: «Бойтесь данайцев, и дары приносящих». К тому же, мудрый Иоанн усмотрел в этом подарке злой подвох. Дескать, примите дары от Тамерлана, который отбирает короны и дарит их. Мой господин велел отвезти этот дар тому, кому он истинно принадлежит.

Витовт протянул руки к золотому венцу.

– Ещё, – не давая опомниться, продолжил таинственный посол – пресвитер Иоанн велел сказать, что если ты, наместник, и впрямь желаешь стать достойным королевского венца, как о том сказывают, а ты, хан Тохтамыш – вновь сесть на трон Золотой Орды, то мне, буде на то ваша воля, следует помочь вам своим опытом, умением и знаниями.

⁴ Электрон – янтарь.

– Что же ты знаешь такого, что не известно нам? – процедил Тохтамыш, обиженный напоминанием о досадном фиаско.

– Многое. Весьма многое. Вот, скажем, сейчас Тамерлан стоит под стенами Адрианополя. Один из сыновей Баязида, воспользовавшись пленением отца, заперся там, объявил себя новым султаном и отказался принять власть Самаркандского высочки. Сейчас город в огне, а возле некогда мощных стен громоздится минарет, сложенный из несчитанных голов его жителей. Впрочем, самому Мехмеду ибн Баязиду до этого дела нет. Он спешит в Венецию, где ему обещано укрытие.

– Это правда? – зачем-то уточнил Витовт.

– Чистейшая правда. Пошли гонцов, если не веришь. Но вскоре узнаешь о том и без гонцов. Молва о сожжении блестящего Адрианополя быстро долетит до твоих владений. Напомню, Витовт, всадники Тамерлана могут двигаться ещё быстрее.

– Ты угрожаешь мне?

– Лишь напоминаю. И ещё хочу передать тебе то, что было мне сказано пресвитером Иоанном, которому открыты страницы грядущего. Сейчас мятежный сын Баязида спешит в Венецию, и та откажется выдать его Тамерлану, и тогда Железный Хромец расправится не только с Жемчужиной Адриатики, но и с Вечным Римом, и пойдёт дальше, неся смерть и разрушая всё на своём пути. Лишь минареты из отрубленных голов и пепелища украсят его путь.

Но ты, Витовт, можешь помешать этому, так же, как и ты, хан Тохтамыш. Ибо ваши кони не менее быстры, чем кони Тамерлана, и в то время, когда он устремит свои взоры на Италию, вы можете ударить ему в тыл и сокрушить кровожадного старца.

– Да! Можем! – хлопнул ладонями об стол Тохтамыш. В черных зрачках его пылал огонь, и это вовсе не было отражением пламени факелов, освещающих залу.

– Если я сделаю это, – медленно, точно размышляя вслух, проговорил Витовт. – Рим, несомненно, объявит меня королем.

Последние слова его были заглушены шелестом выходящих из ножен мечей.

– Здравие королю Витовту! Здравие хану Тохтамышу! Смерть Хромцу!!!

– ...*Не, шо не говори, с короной это был козырный ход.*

– *Да, атомарная копия получилась на славу.*

– *Жаль, что пресвитера Иоанна в реале не существует. Вот бы он сейчас веселился!*

Глава 2

*«Доблестный муж храбро одолевает обстоятельства. Мудрый
обращает их в свою пользу».*
Фридрих Великий.

Лис приподнялся на локте. За проёмом окна, затянутого бычьим пузырем, словно боясь пропустить рассвет, голосил местный шантеклер.

– И неймётся же ему, – пробормотал Сергей, пытаясь рассмотреть пейзаж за окном.

Селение, в котором оперативники нашли себе ночлег, вечером казалось абсолютно вымершим – ни огонька, ни дыма над крышей. Сейчас откуда-то издала ветер доносил звуки голосов. Лис прислушался. Всю дорогу от того места, где были обнаружены следы босых ног, плавно переходящие в отпечатки медвежьих лап, и до этого странного жилья Сергей кожей между лопаток чувствовал тяжелый взгляд. Стоило обернуться – ощущение пропадало. Сначала Лису казалось, что это лишь игра взбудораженного находкой воображения, но и Вальдар то и дело озирался. Все было тихо. Никто и не думал мешать им, не чинил каверз, но тягостное ощущение не пропадало. Когда у дороги показались распахнутые настежь ворота постоянного двора, сотрудники Института устремились туда, но в здании гулял ветер, наступая на хвосты голодным крысам. В зале, некогда, должно быть, многолюдной, было убрано, но на полу и на столах лежал изрядный слой пыли.

– Шо-то здесь какой-то переучёт, а также антисанитарный день, – оглядываясь по сторонам, заметил Лис. – Пойдем-ка отсюда, пока санитары не навалили.

– Какие ещё санитары? – удивлённо спросил Вальдар.

– Известно какие, санитары леса. А судя по следам, заодно и с фельдшерами.

Как и ожидалось, посёлок оказался неподалёку. Когда всадники въехали на единственную улицу, из-за высоких палисадов сдержанно гавкнули собаки, и, сочтя караульный долг выполненным, тут же замолкли. Отчаявшись докричаться до хоть каких-нибудь хозяев, всадники без спросу вошли в один из дворов. Лохматый пёс перед крыльцом выжидаяще покоился на незваных гостей, но, словив на лету кусок лепёшки с запеченной олениной, удовлетворённо отправился переваривать добычу. В доме было так же пустынно, как на постоянном дворе. Казалось, жильцы ушли, нимало не заботясь об оставленном имуществе. Не бог весть каком, но всё же.

– Шо-то я не понял, куда все подевались. Я уже тут, а оценить привалившую в моем лице удачу категорически некому. Я не вижу не только счастья на лицах, но и самих лиц.

– Впрочем, всего остального тоже нет, – хмуро отозвался Камдил.

– Может, это... Ну, чума на все тутошние дома?

– А тела куда делись?

– Собаки съели. А кости зарыли на чёрный день.

– Очень смешно. Должен заметить, друг мой, что самый настоящий «чёрный день» у них бы наступил аккурат в момент перехода на такую, с позволения сказать, диету.

Сейчас Лис проснулся, вскочил на ноги, достал из лежащих в изголовье ножен меч, и с тревогой отметил, что Вальдара рядом нет.

– Едрён батон! Вот ни хрена ни разу не поверю, что он за сигаретами пошёл.

Поспешно одевшись, Сергей выскочил во двор. Давешний пёс, увидев подателя земных благ, радостно завилял хвостом. Звук голосов, который слышался ещё из дома, теперь раздавался более отчётливо.

Сергей отыскивал щелку в тесовых воротах и глянул на улицу. Возле забора, беседуя с незнакомым аборигеном, стоял Камдил. Среди низкорослого местного населения Вальдар с его неполными шестью футами роста считался человеком высоким. Но собеседник его и вовсе выглядел гигантом. Выражение лица местного жителя было хмурым, почти угрюмым. Но враждебности не чувствовалось. Мужчина был хорошо в годах, однако, по всему виду, чрезвычайно силен. Вот только самодельный костыль, на который он опирался при каждом шаге, придавал громоздкой фигуре отпечаток горькой обиды на весь мир.

– А что, дед, немцы в селе есть? – вместо «здрасьте» спросил Лис, появляясь из-за ворот.

– Никого нет. Я есть.

– Шо ты говоришь?! Один во всех домах по очереди? А прочих ветром сдуло?

– Погоди, Лис, – остановил его Вальдар. – Он говорит, что народ ушёл на какой-то праздник. Ардуинари. Не знаю что это означает, но Ардуина у древних галлов – аналог Артемиды, богини охоты.

Камдил перешёл на русский язык, чтобы не смущать хмурого аборигена, раздосадованного как незваными гостями, так и собственной малой подвижностью, помешавшей принять участие в празднике.

– Собственно, название «Арденны» происходят от имени этой богини. Вероятно, среди местных охотников её культ сохранился по сей день.

– То-то он бирюком смотрит, – отозвался Лис. – Капитан, я вот шо подумал. Ежели родичи этого бедолаги такой же комплекции, как и он, так лучше пусть будут сборы недолгими, потому как хрен их знает, какими мухоморами они на своих праздниках догоняются. Ещё примут нас за шпионов инквизиции, и поляжем мы в неравной борьбе с языческим мракобесием, шо та академия изящных искусств в битве за урожай.

– Уезжайте, – без злобы, но с угрюмой безапелляционностью произнес хромоногий страж диковинного селения. – Приедут – не поздоровится.

Он смерил Камдила внимательным взглядом, задумчиво проговорил:

– Хотя... – Но тут же оборвал себя: – Уезжайте.

– Куда ехать, хозяин! – всплеснул руками Лис. – Дорога, как драконий хвост, того и гляди, шею свернешь.

– Дорога – потом, – опираясь на костыль, повернулся спиной неразговорчивый селянин. – Сейчас не ездят. Дижон там.

Дижон бурлил. Приезд Анны Венгерской произвел на герцогскую столицу такое же впечатление, как сейчас бы высадка инопланетян на центральной площади. Конечно, резиденция повелителей Бургундии, этих почти королей, не впервой принимала высоких гостей: и монархов, и папских нунциев, а уж о купцах, менестрелях и прочих жонглёрах и речи-то нет.

Но увидеть своими глазами красавицу-принцессу съезжались отовсюду. Не то что из Парижа, но даже из Тулузы. Анна и впрямь поражала взоры праздных зевак и благородных рыцарей, собравшихся на объявленный герцогом Жаном Бесстрашным турнир. Тонкий стан её был окутан драгоценными мехами, неведомые европейцам благовония наполняли воздух запахом жасмина и алого цветка, именуемого «гюль».

Она ступала по расстеленным для неё персидским коврам в лёгких сандалиях с загнутыми носами, и бургундские модницы, затаив дыхание, следили за каждым её шагом. Модники и вовсе не знали, на что раньше смотреть: то ли на расшитые бисером туфли, то ли на тонкие лодыжки, если те случайно выглядывали из-под платья.

Герцог изощрялся, придумывая всё новые празднества, чтобы потешить гостью, устраивал охоты и пиры в честь её прекрасных глаз. Глаза и впрямь были прекрасны: почти чёрные, миндалевидной формы, с длинными, удивлённо загнутыми ресницами. На тонком лице принцессы они казались просто огромными и притягивали, заставляя смотреть, не отрываясь, забы-

вая обо всём и обо всех. Пожалуй, единственной, кто, казалось, не был в восторге от приезда в Бургундию экзотической красавицы, была её двоюродная сестра Мария. Со сдержанным раздражением она наблюдала за чересчур явными знаками внимания «милой кузине», которые, не скупясь, оказывал ее супруг. Но житейская мудрость подсказывала ей, что лучше не перечить воле своенравного мужа. Тем более, что в её пользу говорили груды счетов, ежедневно доставляемых в герцогскую резиденцию, да и Анна, с приветливой улыбкой принимавшая ухаживания, казалось, оставалась холодна и неприступна.

В эти дни Жан Бесстрашный устраивал рыцарский турнир. Знатоки называли герцога одним из фаворитов будущего состязания, и сам он надеялся блеснуть ратной сноровкой перед очами прекрасных дам. И потому с особым интересом оценивал всех приезжающих рыцарей. Облачённый в доспех Камдил не стал исключением из их числа.

– Вы приехали на турнир? – поинтересовался властитель Бургундии, глядя на высокого широкоплечего воина в странном восточном одеянии поверх бесценного доспеха.

– Нет, ваше высочество, – склонил голову Вальдар.

– Вот как? А я было решил...

– Я прибыл с тем, чтобы передать вам, сударь, послание от моего господина, пресвитера Иоанна.

– Вы что же, – герцог удивлённо поднял брови, – прибыли сюда от самого пресвитера Иоанна?

– Вот моя верительная грамота.

Приезжий рыцарь протянул герцогу прегамент с массивной вызолоченной печатью, подвешенной к свитку. – Я – рыцарь кентурии личной охраны моего государя, хранитель сокольных чаш.

– *Верхних мхов и трех мостов*, – не замедлил дополнить Лис.

– *Сергей, отстань. У меня дипломатический визит.*

– *Так я же как раз, как бог в помощь.*

– *Что?*

– *Ну этот, понтобол.*

– *Надеюсь, ты сам понял, что сказал.*

– *Понтобол, в отличие от дискобола, кидает понты. У тебя это получается как-то неубедительно. Клюква не развесистая. Скучно, бабоньки. Запоминай, два раза повторять не буду. Потому что сам не запомню. Генеральный протопроцессор архистратига Михаила, адмиральный секретарь сущего.*

– *Почему адмиральный?*

– *Потому что «капитаноперворангный» – длинно и кострубовато. А не хочешь – назовись просто: канцлер высочайшего магистрата культуры путей сообщения иностранных дел. Жёстко. Шо вчерашний гамбургер.*

– *Лис, если я ему такое скажу, у герцога будет нервный срыв.*

– *Да ну. Куда он отсюда нервно сорвётся? Кто ж ему даст! Ты, главное, проходки на банкет возьми.*

– *Погоди, дай ему дух перевести. У него пресвитер Иоанн в голове не укладывается.*

– Для меня было бы честью принять участие в турнире, но мой государь полагает, что угроза, нависшая над всем христианским миром, столь велика, что недостойно рисковать жизнью и здоровьем на ристалище, когда каждый меч и копье нужны на поле битвы против общего врага.

Лицо герцога помрачнело.

– Не могу представить, что у меня и могущественного императора востока есть общий враг.

– Я говорю о Тамерлане.

– У меня нет причин считать его врагом. Более того, он доблестно разгромил Баязида, причинившего мне и всему христианскому рыцарству немало бед. А враг моего врага, как известно, – мой друг.

– У нас говорят: наводнение гасит пожар, но утонуть или сгореть – конец один.

– Вряд ли Железный Хромец пожелает лезть в наши леса и горы.

– Хромота не помешала ему дойти от Самарканда до Константинополя.

– Я направил к нему посольство с поздравлениями, изъявлениями дружеских чувств и богатыми дарами. Судя по тому, что о нём рассказывает восхитительнейшая принцесса Анна, он благосклонно примет мои дары.

– Благосклонно примет дары, – с усмешкой повторил Камдил. – Полагаю, вы отправили ему нечто ценное.

– Конечно. Ирландских скакунов, линялых соколов, серебряную посуду, золотые украшения с камнями...

– Не сомневайтесь, он примет дары. Золото и серебро раздаст челяди и женам, ибо не почитает драгоценности достойными своего внимания, а вот хорошие кони и ловчие птицы придутся ему по нраву. Но, – Вальдар сделал паузу, – если бы существовала возможность повернуть время вспять, я бы настоятельно не рекомендовал вам делать такие подарки.

– Отчего же? – герцог нахмурился.

– Не так давно Баязид, тогда еще бывший в зените славы и могущества, узнав о приближении Тамерлана, разослал посольства ко дворам европейских владык, предлагая им совместно выступить против великого амира. Это было ещё в те дни, когда султану только лишь донесли о приближении этого грозного полководца...

– Да, такое посольство однажды прибыло и в Дижон.

– И что вы ответили?

– Три года перед этим я провёл в османском плену. Пусть же сарацинские шакалы будут счастливы уже тем, что я не велел казнить их, едва они оказались в моих землях.

– Ваше благородство всем известно, мой герцог. Примерно тот же ответ посланники султана получили и от прочих владык христианских земель. И это несмотря на клятву Баязида освободить земли по Дунаю, завоёванные после битвы у Никополиса и предлагаемую им щедрую награду каждому, пришедшему к нему на подмогу. Результат известен: Баязид сокрушён и вся Европа в радостном порыве шлёт дары его победителю.

– Что же с того? – недоумённо пожал плечами Жан Бесстрашный.

– Почти ничего, – криво усмехнулся Камдил. – Кроме, разве что одного. Пленный Баязид, коварный и мстительный, как любой восточный деспот, склонил Тамерлана к совместному походу в Европу. Обилие же драгоценных подарков укрепило Железного Хромца в мысли, что земли, в которые лежит его путь, обильны и богаты. Так что отныне вам придётся иметь дело не только с Баязидом, но и с Тамерланом.

– Откуда Вам известно, что Баязид смог договориться с Тамерланом? То, что ведомо мне, противоречит вашим словам.

– Вероятно, монсиньор, – Камдил свёл брови на переносице. – Вы говорите об известиях, привезённых Анной Венгерской. Они были верны, когда Анна уезжала из Адрианополя, но с тех пор многое изменилось. Сын Баязида, Мехмед, восстал против отца, желая похитить султанский трон. Тамерлан с Баязидом общими силами обрушились на мятежника, и теперь на месте древнего города лишь груда обугленных развалин, а принц с небольшой свитой бежал в Венецию. Это вполне достаточный повод, чтобы начать войну.

– Пожалуй, да, – задумчиво согласился Жан Бесстрашный. – Но, покуда стоит Константинополь, вряд ли найдётся полководец, осмелившийся ударить в сердце Европы. Константинополь – надежный страж у ворот христианского мира.

– Так ли важен страж у ворот, когда в стенах не счесть проломов? Не забывайте, что Баязид и прежде стоял на Балканах, а его вылазки заходили далеко вглубь имперских владений. К тому же, готов биться об заклад, цитадель Константинова града не устоит перед Тамерланом.

– По вашим словам, Тамерлан – демон во плоти. Мне же его описывали, как человека мудрого и не стремящегося к излишнему кровопролитию. Говорили, что он почитает учёных и ценит музыку.

– Это правда. Но окажись вы сейчас у стен Адрианополя, его любовь к музыке перестала бы вас интересовать.

– И всё же, друг мой, мне представляется, что вы и ваш господин преувеличиваете опасность.

– Скорее преуменьшаю. Ибо словами невозможно полностью выразить то, что ждёт Европу в ближайшие месяцы, если вы, герцог, не поднимете знамени, растоптанного при Никополисе.

Жан Бесстрашный нахмурился, при упоминании событий, для него крайне неприятных, но, точно не заметив этого, Вальдар продолжал:

– Скажу честно, среди многочисленных советников его святейшего величества раздавались голоса о том, что поражения и плен сломили волю зеркала европейского рыцарства – герцога Жана Бесстрашного. Были и те, кто говорил: «Пусть Тамерлан идёт в Европу, пусть он разорвёт её в клочья, сожжёт и разграбит. Европа велика, он потеряет множество своих людей, погрязнет в бесконечных сварах со вчерашними союзниками, ещё больше устанет от жизни. Годы победоносного старца позволяют надеяться на то, что, куда бы не повёл он свои бесчисленные рати, это станет его последним походом.

– Но ведь это же, – герцог вспыхнул, сжимая пальцы на эфесе меча, – оставлять собратьев-христиан на растерзание диких орд бесчестно!

– И неблагоприятно, – не давая хозяину закончить речь, кивнул Вальдар. – Так я и сказал, когда пришла моя очередь. И я был не одинок. Святейший пресвитер поддержал нас, и оттого я здесь, пройдя через сотни гор и рек, через пустыни и дремучие леса, через засады и открытые схватки...

– *Про медведёв спроси,* – вмешался Лис. – *Шо тут у них за пастбище...*

– Итак, монсиньор, от вас зависит не только сказать, впустую ли я и мой спутник рисковали жизнями, спеша принести вам тревожную весть. В вашей власти решить, быть ли далее Европе, или же пасть ей под копыта жестоких варваров Тартарии, пред которыми даже османы Баязида – не более, чем вороны пред соколом.

– Я обдумую ваши слова, – без особого энтузиазма ответил герцог. – Нынче же прошу вас быть при мне почётным гостем, и после дневных ристаний прибыть с вашим благородным спутником на вечерний пир.

– С благодарностью принимаю ваше приглашение за себя и за моего друга. Что же касается предмета нашего разговора, то давайте заключим пари. Я утверждаю, что не пройдёт и нескольких дней, как Тамерлан возьмёт Константинополь.

– Это невозможно. Баязид простоял под его стенами несколько лет, и всё без толку. И не он первый.

– Тамерлан войдёт в крепость за считанные часы. И если я выиграю пари, и вы услышите, с каким треском распахиваются ворота Европы, тогда, полагаю, излишне будет доказывать, что думать и действовать следует очень быстро.

Герцог потеревил длинный ус и выдохнул после недолгой паузы:

– Я принимаю ваше пари.

– *Ай-ай-ай, дядько Вальдар. Нехорошо глумиться над простодушными туземцами.*

– *Исключительно для пользы дела.*

– *Для пользы – так для пользы. Ты почему про медведей не спросил?*

Замок герцогов Бургундских поражал великолепием. Он всё ещё сохранял мрачное величие неприступной крепости, но лишь снаружи. Внутри под неусыпным присмотром огромной башни донжона красовался дворец, равного которому не сыскать было по эту сторону Альп. Лучшие архитекторы Европы съезжались в Дижон, зная, что герцоги несметно богаты и не скупятся на золото для демонстрации собственного величия. Совсем рядом, за границами цветущего герцогства, задыхалась от войны, неурожаев и чумы несчастная Франция. Но пока соседи истекали кровью и затягивали пояса потуже, Бургундия набирала силы если не славой мечей, то объемом торговли. Даже чума, пару лет назад опустошившая Европу, лишь вскользь затронула этот благословенный край. Всё это вкупе с личной храбростью и высоким происхождением давало великим герцогам Запада основание помышлять о королевском венце. Жан Бесстрашный – могучий красавец с врождённой осанкой и решительностью монарха, куда более подходил для роли монарха, нежели Карл Безумный, повелитель Франции.

В тот день на ристалище хозяин Дижона превзошел себя. Его копьё раз за разом находило цель, и противники герцога, все как один могучие воины, вылетали из седел, подобно тюкам с соломой. Среди ликующей толпы то и дело слышался радостный вопль. «Азур эт ор! – Лазурь и золото!» Любому, имевшему глаза, было видно, что именно эти цвета имеют перевязи на гербовом щите отважного Бургундца. В отличие от привычного начертания герба, где их окружала алая кайма по краю щита, нынешняя эмблема точно повторяла герб королевства Арелат, прекратившего существование уже более трех с половиной веков назад. Кроме непосредственно Бургундии, оно включало Савойю, Прованс и ряд других земель, на которые теперь герцоги Бургундские поглядывали с нескрываемым интересом.

Всё время турнира Камдил сидел на расшитой подушке в герцогской ложе среди высоких гостей, по большей части знатных дам свиты герцогини, а также почтенных старцев. Он то и дело кусал губы, наблюдая за происходящим на ристалище и слушая на канале связи ехидные комментарии Лиса:

– *Капитан, где мой фотоаппарат? Вальдар Камдил – победитель всего, что движется, – на скамейке ветеранов. Ща я гляну на тебя своими честными глазами и начну транслировать на Базу эту скорбную картину маслом по сыру. Эх, жаль не родился еще Леонардо да Винчи, чтобы запечатлеть её на холсте.*

– *Где же ты честные глаза возьмешь?* – хмуро отозвался Камдил.

– *Только в этом и загвоздка. Ладно, не журысь, кумэ! Пока ты здесь разыгрываешь ветерана на детском утреннике, я метнулся резвой рысью по местным объектам культуры, как то: базары, торговые ряды и прочие кабаки.*

– *Так вот, в одном из них удача улыбнулась мне в шестьдесят четыре зуба. Причём, на эти зубы ни разу не ступала рука стоматолога.*

– *Лис, а если опустить предисловие?*

– *Если опустить предисловие, останутся одни голые тощие факты. Куда менее эротичные, чем модели «Плейбоя». Ладно. Специально для вестфольдингов, не доросших до понимания изящной словесности, перехожу к фактам. Имеется в этом славном городишке очень уютная гостиница с изысканным названием «Семь лун». Я бы счёл это название скрытой рекламой спиртного, но ты опять начнёшь впадать в истерику. Так вот. В гостинице оставался богатый греческий купец. Даже и не греческий. А прям из Константинополя...*

– *О, интересно!*

– *Вальдар, это еще не интересно. Это так, птицы над лесом. Суть, как водится, под деревьями. Поэтому зри в корень. Как мне поведал хозяин заведения, купец приехал через пару дней после торжественного явления принцессы Анны бургундскому народу. Арендовал три лавки, и ведёт активную торговлю. Шелка, восточные диковины, дамасские клинки, чеканное серебро... В общем, обороты представляешь. Поговаривают, что сей негодник решил*

остаться в Дижоне надолго. В Константинополе – по утверждению почтенного труженика прилавка – сейчас беспокойно, а Бургундия – такой перспективный рынок...

– Меня это не удивляет.

– Меня тоже. Меня напрягает другое. Собственно, с чего всё началось. Я зашёл снять номер, и тут в салон спускается этот «грек». И вид у этого грека ну, мягко говоря, не античный. Таким носом в Византии мамыши детей пугают. И, ежели увидишь подобного красавца, особенно при ятагане на коне, то лучше сразу в погреб прячься. В довершение всего, этот герой Эллады командует своему слуге, чтобы тот прихватил ларец, привезенный из его обожжаемой Сабы и отнес жемчуга Анне. Для здешних туземцев что Саба, что Сибирь без – разницы. Но я точно помню, что этот город в Аравии.

– В Йемене, – Поправил Камдил.

– Хрен редьки не слаще.

– Да. Я понимаю, о чем ты. Но внешность обманчива. Османы уже не один десяток лет обретаются на византийских землях. А слуга и вовсе может быть не ромеем.

Но, по сути, ты прав. Связь между принцессой Анной и купцом из тех самых мест, откуда она сейчас приехала, наводит на размышления. Тем паче, судя по словам герцога, Анна расхваливала ему Тамерлана как любителя прекрасного, почтенного мудреца, вынужденного покорять мир исключительно в порядке самообороны. Ты прав, – повторил Камдил. – Следует обратить внимание на связь этой парочки с высочайшим дуэтом.

Стоя в затенённой нише окна, Камдил направлял усиленное внимание на «дуэт». Вернее, как и подобало в танце Труа-а-труа, таковых было три. Под звон лютневых струн и подвывание шеврета – французского родича шотландской волынки, пары церемонно скользили по драгоценному паркету, усыпанному лавандой и розмарином, сходясь, расходясь, куртуазно раскланиваясь и сменяя друг друга. Среди кавалеров изысканностью и великолепием отличался сам герцог, сопровождаемый иными героями сегодняшнего дня. Их дамы – сама герцогиня, несравненная Анна Венгерская, и некая прелестница двора, имени которой Камдил не знал, притягивали взоры окружающих, как и подобало первым красавицам Бургундии. Специально для сегодняшнего бала Анна Венгерская отказалась от привычных восточных нарядов. Отказалась в пользу темно-лилового платья с шитой золотым узором алой оторочкой и горностаем на плечах. На длинной изящной шее её красовалось изумительной работы жемчужное ожерелье с тонкой работы подвесками.

– Лис, ты видишь то же самое, что вижу я?

– Это ты насчёт тюбетейки, или тебе мониста понравились? Ясен пень, вижу.

– Серёжа, это не тюбетейка, а тюрбан.

– Да всё равно – привет из солнечного Узбекистана.

– Насколько я помню курс географии, в Узбекистане жемчуг не добывают. А очень похоже, что жемчужины на шее Анны Венгерской и на головном уборе ее кавалера из одного комплекта.

– У вас там, в Итоне, географы малахольные. В Узбекистане добывают все, что угодно. Главное – знать, у кого.

– Лис, ты понял, о чем я говорю?

– Да уж, как тут не понять!

На голове Жана Бесстрашного, ошеломляя благородное общество доселе невиданным покроем, высился тёмно-лиловый тюрбан, расшитый по краю изумительным скатным жемчугом. Длинный край экзотического в здешних широтах головного убора спадал на грудь, и

все придворные модники готовы были в клочья разорвать собственные шапероны⁵, и отдать последний ливр за такую восхитительную диковину.

– *Вот к гадалке не ходить, завтра наши греко-турок получит заказов по числу отваленных им жемчужин. Хорошее вложение.*

– *Лис, я не о том. Это один и тот же шёлк, и один и тот же жемчуг.*

– *И чё?*

– *Серёжа, как ты не понимаешь! Он в её цветах!*

– *Во всей клумбе сразу?*

– *О господи! Он носит её цвета. То есть, объявляет себя её официальным поклонником.*

– *Ну, тебе видней. Но, по-моему, здесь этих поклонников, шо котов на валерьяновом озере.*

– *Где-где?*

– *Неподалёку от молочных рек с кисельными берегами.*

В этот момент музыка стихла и церемонимейстер, обряженный в длинное, старинного покроя одеяние с бубенцами, грохнул жезлом об пол, призывая слуг открыть двери в пиршественную залу. Хозяева и гости чинно последовали к столам и, как только они расселись, разодетые в ливреи слуги начали расставлять благоухающие яства на серебряных блюдах, и зачем-то горки куриных яиц. Когда столы были заполнены, и виночерпии закончили разливать вина в кубки, в залу под звук фанфар было внесено огромное золоченое блюдо. На нем возвышался пирог в виде замка в половину человеческого роста. Башни, стены, подъемные мосты и замковые рвы – всё здесь было воспроизведено с величайшей скрупулезностью. Даже крошечные бомбарды на куртинах поражали достоверностью. Окружая «замок» плотным кольцом, у края блюда восседали чудовищные монстры, очень похожие на одетых в доспехи жареных цыплят. Следом за первым блюдом несли второе с выпеченным из теста оленем со стрелой в боку, прикованным золотой цепью к двум массивным пирогам, покрытым румяной корочкой. Как только и второе блюдо было установлено перед герцогской четой, Жан Бесстрашный подал знак. Церемонимейстер поднёс фитиль с огоньком на конце по очереди к каждой из маленьких бомбард. Орудия захлопали, наполняя залу пороховым дымом и выплёвывая из стволов ядра лесных орехов. Вслед за этим чудовищные цыплята, как заговоренные, стали пританцовывать на месте. Дождавшись этого сигнала, благородное общество с радостью начало расхватывать лежавшие в горках яйца и бросать друг в друга.

– *Блин, капитан, шо происходит? Шо за падение нравов!* – возмутился Лис, уклоняясь от метательного снаряда.

– *Это не падение нравов, это падение яиц. Милые детские шалости. Своеобразные знаки внимания. Не волнуйся, яйца заполнены фруктовой водой.*

– *Детский сад, трусы на ляжках!* – Сокрушенно констатировал Лис. – *И эти люди запрещали мне пить коньяк из пластиковых стаканчиков. А куры от какого нетерпения вытанцовывают?*

– *Понимаешь, в цыплят перед тем, как их подать, кладут небольшие сосуды со ртутью. Сосуды нагреваются, и ртуть начинает...*

– *Шо ртуть начинает, я понимаю. Значит, цыплят на сегодня вычеркиваем. Большие никуда ртуть не кладут? Или, там, стрихнин?*

– *Затрудняюсь ответить.*

В это время запасы яиц подошли к концу, и побоище закончилось само собой. Увидев это, герцог подал руку жене, предлагая ей вытащить стрелу из бока оленя. Герцогиня решительно потянула за древко, и тут же из раны в подставленную чару начало хлестать красное вино. Это событие было воспринято с радостным воодушевлением. Затем слуги герцога взре-

⁵ Шаперон – род головного убора в виде колпака с длинным, порой до пояса концом.

зали корочки пирогов и... Оглушительный визг огласил пиршественную залу. Из пирога, увидев свет, во все стороны запрыгали лягушки, отловленные в камышах Сонны. Из другого хлебобулочного шедевра выпорхнула стая птиц и заметалась в ужасе, взмахами крыльев гася свечи и погружая залу во мрак. Радостное возбуждение достигло апогея.

– Весело у них тут, – констатировал Лис. – Почти как у нас на дискарях. Только мордобоя не хватает.

Точно подслушав его слова, герцог хлопнул в ладоши, и тотчас загорелись новые свечи, птицы были изгнаны в распахнутые окна, а пироги на столе сменились настоящими. Вслед за этим Жан Бесстрашный радостно возгласил:

– Пусть теперь выступают борцы. – Он испытующе поглядел на Камдила: – Не желаете ли померяться силой?

– С вами? Нет. – Вальдар дёрнул плечами. – Неучтиво побеждать хозяина в его доме. Но, если желаете, можете выставить против меня трёх своих бойцов.

Глаза Жана Бесстрашного вспыхнули:

– По очереди?

– Как хотите. Можно и вместе, – со скупающим видом ответил Камдил.

– *Ну все, дорвался. Всё б тебе маленьких обижать. Я ж говорил, без мордобоя дискарь – не дискарь.*, – со слезой в голосе отметил Лис. – *Ладно, пойдёшь, порезвись.*

– Воля гостя для нас священна, – ухмыльнулся герцог, жестом подзывая к себе пажа и шепча ему на ухо имена поединщиков. Спустя минуту трое крепкого вида бойцов стояли в пространстве между столами, горя желанием проучить самонадеянного чужака.

– Напоминаю, – огласил Жан Бесстрашный. – Вы не должны бить друг друга в лицо, кусаться, выдавливать глаза и, – герцог сделал недвусмысленный жест, – щадить мужское достоинство. Готовы?

Камдил бросил на руки Лиса расшитый золотом камзол и остался в одной шёлковой рубахе.

– Начали!

Бой был недолгим. Хотя для Камдила он продолжался дольше обычного. Раза в три дольше, чем понадобилось бы ему, чтобы привести в полную негодность противостоящих ему борцов. Вероятно, они были славными поединщиками, но при этом отчаянно мешали друг другу, норовя первыми добраться до ловкого чужестранца. Камдил перехватил запястье одного из герцогских бойцов, повернул, бросая несчастного под ноги собрата, сметая его. Затем как-то в одно движение подцепил носком колено третьего нападавшего и пяткой с силой ткнул во внутреннюю часть бедра. После чего, уложив третьего на второго, уселся сверху, объявляя во всеуслышание:

– Вот так и малое побеждает великое.

На лице герцога появилась досадливая гримаса. Такого афронта он никак не ожидал.

– Ваша светлость желает ещё выставить поединщиков?

Жан Бесстрашный тяжело поглядел на Камдила, раздувая ноздри:

– Это было отменно. Нет, более не желаю.

В эту минуту вошедший в залу церемонимейстер объявил:

– Барон Рауль де Буасьер к вашему высочеству.

– Хотя, почему же? – меняя своё решение, улыбнулся бургундец. – Сойдитесь-ка в схватке с моим лесничим.

Глава 3

*«Дары принявши от данайцев,
Стирайте отпечатки пальцев».
Правила античных коррупционеров.*

Тамерлан сидел на троне, устало склонив голову, водрузив на подлокотники темные от вьевшегося загара руки с узлами вздувшихся вен. Казалось, он дремлет, едва слушая посла, пока тот разливался соловьем.

– Мой король, славнейший и благороднейший Мартин I Арагонский шлет Вам поздравления со славнейшей победой, в коей вы проявили полководческий дар, сравнимый с гением Александра Великого, божественного Искандера.

При этих словах Тимур проговорил, точно возвратясь мыслями с горних высей:

– Нет бога кроме Аллаха, и Магомет – пророк его.

– О да, конечно! – чуть замешкался сбитый с голоса посол. – Его величество так и сказал, что только Господь Единый смог бы совершить более, нежели вы.

– На всё воля Аллаха, – будто сквозь сон отозвался Тамерлан. – Вон, поглядите. – Великий амир тяжело, будто через силу, поднял руку и указал на кошму у самого входа в шатёр. – Видите этого правоверного в убогом рубище? Семь лун назад он поведал мне, что я победил, ибо не мог не победить. А раз свершилось то, что должно было свершиться – к чему попусту расточать славословия? Не разумней ли открыть душу голосу Всевышнего и услышать слова истины?

Испанский гранд метнул заинтересованный взгляд на Хасана Галаади, сидевшего меж прочих советников Железного Хромца, но тот потупил взор, не желая вступать в безмолвную дуэль.

– О, великий Тимур! – Стараясь не выдать досаду, вновь заговорил арагонец. – Я всего лишь воин, и не мне судить о том, что истинно и что нет. Я исполняю волю своего короля...

– Ну да, ты – воин, – перебил его Тамерлан. – И только воин. Тогда посоветуй в меру своего воинского разума, подобает ли мне посылать твоему государю поздравления и дары, если по неведомой для меня воле Аллаха ты и подобные тебе нанесёте поражение войску моего собрата, эмира Гранады?

Тамерлан поднял на испанца тяжёлый изучающий взгляд. Тот безмолвствовал.

– Я вижу, из тебя плохой советчик. Твой государь посылает храброго туда, куда следует отправить мудрого.

– Но, могущественнейший Тимур, – наконец вымолвил кабальеро. – Наши ссоры с эмирами Гранады и прочими властителями мусульманских земель в Испании длятся уже многие века и стали делом обыденным, как и всякие ссоры между соседями. Мы деремся и миримся, это обычное дело. К вам же мой государь испытывает величайшее почтение. Он прислал меня, дабы я передал вам богатые дары и слова восхищения. Король Мартин будет счастлив, если подарки его доставят вам радость. Мой повелитель желал бы стать вам другом, вернейшим и преданнейшим. И хотя разница в вере мешает изъявлению братских чувств, но ведь мы, как и вы, веруем в бога единого.

Тамерлан медленно кивнул:

– И в то, что Иса ходил по земле, и уста его изрекали слова божественной истины. Ступай. Я принимаю дары твоего короля и обдумаю твои слова.

Арагонец, церемонно кланяясь, вышел из шатра. Убелённые сединами, покрытые шрамами во множестве походов советники наперебой загалдели, спеша поделиться с владыкой правоверных своевременными, и, главное, мудрыми мыслями.

– А ты чего молчишь, Хасан Галаади?

– В собрании мудрых прислушиваются к тому, кто молчит, – негромко сказал дервиш. – Ты хочешь услышать от меня, биться ли тебе с Арагоном, Кастилией, Наваррой и другими королевствами Испании, или нет? Как в прежние годы, ты решишь это без меня. Я лишь знаю, что, бряцая оружием вдали, у самого горизонта, где враг едва способен различить тебя, ты можешь напугать его. Но вернее – насторожишь, дав возможность загодя принять меры. Выхватывать меч стоит тогда, когда можешь пустить его в ход.

– Но если я приму дары и не заставлю христианских владык склониться пред моим мечом, что скажут единоверцы, гибнущие от христианских рук в Испании.

– Вероятно то же, что сказали бы христиане своим владыкам. Что они не хотели умирать. Один человек некогда попросил муллу: «Подари мне кольцо, которое ты носишь на пальце. Я буду смотреть на него и вспоминать тебя».

– И что же ответил мулла?

– Он сказал: «Нет. Лучше смотри на своё кольцо, которое я не попросил у тебя, и вспоминай обо мне».

Тамерлан улыбнулся:

– Этот мулла знал, что делал.

Он резко встал с трона. В движениях великого амира больше не чувствовалось ни старческой дряхлости, ни сонливой усталости. Казалось, что Железный Хромец готов был сейчас же вскочить в седло и мчать вперёд, не ведая пути, к последнему, закатному морю. Он повернулся к одному из своих приближённых.

– Там среди даров я видел доспех...

– О да. Великолепный доспех работы толедских мастеров. Его не стыдно надеть даже самому королю неверных. Он стоит целого табуна кобылиц. Столь тонкой и изысканной работы не сыскать во всех землях севера, юга, запада и востока. Ищи хоть целый год. Червленое золото на нём сияет ярче солнца...

– Ничего не должно сиять ярче солнца, – оборвал поток славословий суровый полководец. Набейте доспехи соломой, установите на колу и велите самым умелым лучникам стрелять в доспех с сотни шагов, потом с полусотни, затем с двадцати...

– Но ведь... – попробовал было перечить ошеломлённый царедворец.

– Мне не нужен доспех, сияющий, как солнце. Мне необходимо знать, со сколько шагов и в каких местах его пробивают стрелы наших луков. Ступайте. После вечернего намаза я желаю знать результаты. Сейчас они очень важны. Завтра утром мы выступаем к Константинополю.

В тени смоковниц, растущих на берегу речушки со странным названием Лик, весело несущей свои воды в сторону Мраморного моря, Тамерлан остановил коня и, закрываясь от солнца рукой, стал разглядывать тройную линию крепостных стен, прикрывающих Константинополь с суши. Перед стенами, напоминая адскую бездну, зиял ров, облицованный кирпичом, через который были перекинuty довольно узкие мостки.

Никогда прежде Тамерлану не доводилось видеть столь мощную крепость. Всякому, имеющему глаза, было видно, что нет смысла идти на штурм этой неприступной твердыни.

– Лишь безумец, или же ангел небесный с пламенеющим мечом решится пойти на приступ таких стен, – цокнул языком один из военачальников Тамерлана.

– Воистину ты говоришь правду, – милостиво согласился Железный Хромец. – Недаром же наш славный друг, султан Баязид, простоял здесь без толку два года.

– И ещё бы простоял, когда бы не мы.

– К чему поминать былое? – покачал головой Тамерлан, – разве кому-то из вас не доводилось испытать полынную горечь поражения? Вон, кстати, и наш друг Баязид. Да будет славно имя его вовеки.

Баязид мчался верхом на тонконогом арабчаке, нервном и нетерпеливом, постоянно срывающимся в галоп. Вслед за султаном наёмом шли янычары в белых шапках акбёрк, над которыми реяло знамя с алым мечом Али. Издали эту эмблему можно было принять за крест, когда б не раздвоенный клинок праведного халифа.

– Как видите, – указывая на приближающегося султана, сказал Тимур, – мой храбрый и верный Баязид вполне оправился от невзгод и вновь, во славу Аллаха, может гордо именоваться Молниеносным.

Между тем, повелитель османов в считанные минуты сократил дистанцию и, подъехав к Тамерлану, приложил пальцы ко лбу и груди, приветствуя:

– Ас-салам алейкум.

– Алейкум ас-салам, – ответил Тимур с улыбкой. Рад видеть тебя в добром здравии, слава Аллаху. Ты не лукавил, когда рассказывал мне о стенах Константинополя, – без перехода, едва завершив приветствие, продолжил Железный Хромец.

– Сердце моё открыто перед тобой.

– Теперь понятно, отчего ты простоял здесь столь долго. Взять эту крепость штурмом не сможет никто. Осада же, не сочти за обиду – и вовсе глупость. Покуда нет средства прекратить доставку продовольствия и снаряжения по морю, осаждать Константинополь – всё равно, что осаждать луну.

– До недавних пор я тоже думал так и сокрушался, что не знаю средства, дабы одолеть моих врагов. Но теперь Аллах услышал мои слова. Я и пред самым Иблисом, врагом рода человеческого, порази Господь его молниями в голову и чрево, что нет на земле стен, которые бы устояли пред моим доблестным другом Тимуром!

– И братом, славнейший Баязид. Ибо все мусульмане – братья.

– Ну конечно, как может быть иначе! Моим храбрым старшим братом. Я настолько уверен, что Константинополю не устоять, что хочу предложить тебе подумать и о следующем шаге. За то время, которое понадобится тебе, чтобы захватить столицу ромеев, я с войском отправлюсь к Дунаю, приведу к покорности изменников-сербов и приготовлю всё для нашего дальнейшего похода.

– Твои речи, как всегда – образец высокого ума, Баязид. Но расставание с тобой наполнит душу мою стенанием и глаза слезами. Я верю, что Создатель предаст нам эту землю в руки столь же щедро, как прежде отдал все прочие царства. Погоди немного, праведный султан. Тем паче, – Тамерлан сделал паузу, – я слышал, что немалая часть войска, оставленная тобой блокировать Константинополь, услышав о досадной ссоре между нами, страхась неведомого, перешли на сторону гяуров. Теперь они в крепости. Уверен, брат мой Баязид, что, увидев наш душевный союз, они вернутся под твоё знамя, и ты поведёшь их к дунайским кручам, дабы свершить праведную месть изменникам-сербам.

Султан молча склонил голову:

– Ты как всегда мудр, мой старший брат.

– Яви же себя защитником крепости. Пусть увидят они, что ты свободен, и верные следуют за тобой, как и прежде.

Баязид склонил голову и повернул коня. Тимур долго, не отрываясь смотрел вслед удаляющейся кавалькаде, пока не скрылся в облаке пыли красный раздвоенный клинок Зу-аль-Факкар. Когда же всадники исчезли из виду, Тамерлан усмехнулся и поманил к себе стоявшего поодаль дервиша.

– Ты слышал нашу беседу, мудрый Хасан Галаади?

– Слышал, властитель правоверных.

– И что думаешь ты?

– Мне не сказать лучше пророка, а он, как пишет о том ат-Термизи, обратился как-то к сподвижникам своим: «Сказать вам, что может быть лучше, чем соблюдение намаза, поста и

раздачи милостыни?» Они ответили ему: «Скажи нам, о посланник Аллаха». И он провозгласил им: «Улаживание раздоров, ибо последствия их подобны сбриванию, но не волос, а веры».

– И в последний свой час я не усомнюсь в твоём знании Корана и Хадисов⁶. Но я спрашиваю тебя не о том. Что видишь ты, проникающий умом своим в суть предметов и слов, в сладких речах султана?

Хасан Галаади поудобнее оперся на посох.

– Войско твоё, Тимур, не знает поражений. Всадники твои подобны самому, что в пустыне замечает города и бесследно истребляет народы. Воины твои горят желанием победить, они храбры и умелы.

– Я знаю это и без тебя, Хасан, – нахмурился великий амир.

– Но беда в том, – не прерываясь, негромко продолжал дервиш, – что они – не мухи и не гекконы. Они не могут карабкаться на стены. Войско же султана по большей части состоит из пеших лучников, без которых не взять крепости. Кроме того, у Баязида есть корабли, которых нет у тебя, а без кораблей...

– Да, всё так и есть, – оборвал его речь Тамерлан. – Ты вновь доказал свою проницательность. И всё же, мудрый дервиш, я возьму этот город. Возьму без пехоты и без кораблей. Ибо, как сказал один мудрец, сто раз сразиться и сто раз победить – не лучшее из лучшего. Лучшее из лучшего – покорить чужую армию не сражаясь!

– Сунь Цзы...? – не смог сдержать удивления Хасан.

– Верно, – поражаясь не меньше дервиша, проговорил Тамерлан. – Это сказал Сунь Цзы, но откуда тебе ведомо о нём?

– Я много странствовал, – дервиш воздел глаза к небу.

Повелитель Счастливых Созвездий покачал головой:

– Ты очень, очень диковинный человек, Хасан Галаади. Быть может, мне стоит опасаться тебя. Но ты меня забавляешь. Однако, моли Аллаха, чтоб в недобрый час я не решил, что зря доверился тебе.

Он повернул коня и резко бросил стоявшему рядом военачальнику:

– Где тот перебежчик, что желал видеть меня?

Крепость напротив константинопольских башен султан Баязид велел поставить ещё несколько лет назад, намереваясь взять осадой вечный город. Довести до конца возведение Османской цитадели султан так и не успел, но все же каменные укрепления имели довольно грозный вид и внутри её стен воины Тамерлана разбили свой лагерь в относительной безопасности от вылазок противника. Чуть свет в крепость пробрался некий человек из Константинополя. Страже он назвал себя Гази-Мехметом ибн Даудом, слугой Мир-Шаха, полководца Баязида, оставленного не так давно у стен ромейской столицы. Тщательно обыскав его, телохранители доставили перебежчика к Тамерлану.

– ... Слова восхищения бледнеют пред тем восторгом, который испытывает мой господин. Храбрый Мир-Шах паша, большую часть жизни проведший в сражениях, склоняет перед тобой голову, ибо нет в подлунном мире равного тебе.

Тамерлан пристально оглядывал посланца, лицо которого казалось скорее простодушным, нежели хитрым, но за видимым простодушием могло скрываться изощрённое коварство.

– Ты рисковал жизнью, чтобы передать мне восторги твоего господина? – не спуская с турка внимательного взгляда, спросил Тимур.

– И это тоже, о великий. Когда до нас дошла весть о разгроме под Анкарой, мой господин решил, что для султана, да продлит Аллах годы его, пробил последний час. Только это и это подтолкнуло моего господина перейти на сторону императора ромеев. Но твоя доброта нашла путь к сердцу Мир-Шаха так же легко, как солнечные лучи к цветку, распускающемуся под

⁶ Устные предания о деяниях и высказываниях пророка.

синим небом. Со скорбью в сердце он пошёл служить иноверцам. Теперь же, узрев воочию светоч мусульманского мира в сиянии величия и славы, склоняет пред тобой выю и предается тебе душой и телом. То же скажут и все, кто повиновался слову Мир-Шаха и перешёл на сторону гяуров.

– Отчего же ты не пошёл к султану Баязиду? Ведь он здесь, свободен и стоит во главе войска.

– Мир-Шах опасается, что Баязид не пожелает выслушать его и не захочет знать, что вынудило уйти на сторону врага. При Анкаре татары, шедшие в войске Баязида, перешли на твою сторону, а сербы вовсе бежали с поля боя. Вряд ли после такого несчастья султан пожелает разбираться, где измена, а где – расчет.

– Это правда, – кивнул Тамерлан. – Что же предлагает Мир-Шах?

– Под командованием моего господина в Константинополе более пяти тысяч воинов. Император не слишком доверяет вчерашним противникам, но его войско невелико и потому государь ромеев вынужден использовать всякого, кто готов поднять оружие в его защиту.

– Разумно.

– Поскольку император не доверяет воинам Мир-Шаха, он держит их там на первой стене, чтобы при штурме они полегли среди первых, но казармы находятся в самой крепости, и потому янычарские орты то и дело проходят через ворота в город и обратно. И если ты дашь сигнал, наши храбрецы в один момент захватят надвратные башни второй и третьей стены и откроют тебе проход в сердце Константинополя.

На губах Тамерлана появилась недобрая усмешка.

– Я обдумаю твои слова и дам знать, Гази-Мехмед ибн Дауд, а сейчас скажи, какую награду желает получить Мир-Шах паша за свой подвиг?

– Твой милостивый взор, о величайший из величайших, – лучшая награда, но, если мудрейший из мудрых, Повелитель Счастливых Созвездий назначит моего господина комендантом поверженной столицы, Мир-Шах будет счастливейшим из смертных.

– Я подумаю, – повторил Тамерлан. – Тебя же сейчас накормят и наградят за проворство.

Стражники вывели радостного перебежчика, и советники наперебой загалдели, убеждая Железного Хромца воспользоваться удачным случаем.

– Это прекрасная возможность, – твердили они. – Мы ворвёмся в крепость, как ураган, и ничто не сможет остановить нас!

– Глупцы, – оборвал их Тамерлан. – Мы ворвёмся в крепость, предавая всё огню и мечу, а потом поставим изменника Мир-Шаха комендантом. Ведь именно такова цена предательства.

– Но ведь император ромеев – неверный, – напомнил кто-то. – И, стало быть, здесь нет измены.

– Измена остаётся изменой, будь на месте императора даже сам шайтан. Можете не сомневаться, так же легко, как сегодня ромеев, завтра Мир-Шах предаст и нас. Он вернётся к султану Баязиду с ключами от константинопольских врат и тот озолотит его, ибо ему такой вот Гази-Мехмет вложит в уши слова о том, что верный паша с самого начала задумал отдать крепость владыке правоверных. Все остальное были лишь уловки, военная хитрость.

Тамерлан встал с трона и огляделся.

– Где Хасан Галаади?

– Ему не подобает быть на военном совете, – с ревностью в голосе напомнил один из темников.⁷

– Лишь я могу сказать, что подобает, и что не подобает. Этот дервиш, может быть, не умеет так ловко скакать на коне и стрелять в цель, как вы, но никто из вас не ведаёт о военном деле столько, сколько он. Найдите его! – Скомандовал Тимур.

⁷ Темник – командир тьмы, соединения из десяти тысяч сабель.

– Слушаюсь и повинуюсь, мой господин, – раздалось вокруг.

– Когда я шёл сюда, вспомнил один из приближённых великого амира, – он спал на боевой галерее, что над нами, подложив под голову миску...

«Иблис его покусай», – подумал Хасан, приоткрывая глаз и оценивая, достаточно ли крепко дремлет разморенная на солнце стража. «Кажется, всё в порядке», – он сдвинул в сторону миску и аккуратно вернул в щель предварительно вынутый оттуда камень.

Длинной заточенной тростинкой Тамерлан рисовал что-то на дощечке, засыпанной песком. Лицо его было задумчивым и усталым, но в каждом движении чувствовалась энергия, казавшаяся невероятной в столь преклонном возрасте. Сейчас рисунок забирал всё внимание Тимура и даже самым верным советникам великого амира не было позволено приблизиться и узнать, что за дивные знаки или непонятные письмена выводит Повелитель Счастливых Созвездий на столь зыбком материале.

Хасан Галаади вошёл в залу, почтительно склоняя голову перед Тамерланом.

– Мне сказали, ты спишь, – не то спрашивая, не то утверждая бросил Тимур.

– Даже если тело моё объято дремотным оцепенением, дух бодрствует. Ибо когда же, как не во сне, когда бремя земных нужд перестаёт донимать, возноситься человеку душою к трону отца небесного. Пока твои люди своим зовом не вернули меня из холодной синевы на разогретый камень, я размышлял, и сами собой у меня сложились короткие строки. Я бы назвал их Слова сердца: «Жить в этом мире, что может быть интересней? Но душа моя жаждет удалиться от мира сего».⁸

– *Погоди удаляться!* – раздался на канале связи возмущённый голос Лиса. – *Ты шо, мы ещё поперёк Альп баррикады не возвели. Щас ты его бросишь на произвол судьбы, он, в смысле Тамерлан, а не произвол, огорчится и ломанёт, куда глаза глядят. А глаза у него, как водится, глядят с лукавым прищуром, шо та шестидюймовка Авроры на Зимний дворец.*

– *Сергей, ну я же суфий. Опять же, дервиш. Мне положено возноситься мыслью и желать перехода в иной мир.*

– *Вот рядом с Тимуром я перехода в иной мир не желал бы. Не дай Бог не так поймёт. Ты уж повремени. Вот закончим дело – и все переселимся.*

– Аллах отмеряет дни всякого живущего. Не торопи же того, что не в твоей воле, Галаади. – Тамерлан чуть заметно скривил губы в усмешке, – а пока я желаю слышать слова твоего разума о том, что занимает мои мысли и чаяния.

– Полагаю, ты говоришь о Константинополе, – вздохнул Галаади. – признаюсь, меня удручает вид людей, которые, страшась гибели, лезут на стену, а оттуда их поливают кипятком, осыпают стрелами и дротиками.

– На то они и воины, чтобы сражаться и, если надо, умереть во славу Аллаха.

Хасан пожал плечами:

– Оказывая уважение каждому встречному, я почитаю бога. Любя каждую душу на земле, я ощущаю связь с ним. Но убивать во славу – это нелепость!

– Если так, то наверняка тебе понравится то, что я скажу. Некие люди пожелали открыть мне ворота и сдать Константинополь, так что никто не будет лезть на стены. Мы войдем в цитадель почти без сопротивления. Что скажешь ты на это?

– Тебе решать, великий амир. Я же хочу поведать о дальней стране, где живут люди, обожающие жареные каштаны. Особенно вкусны они, пока горячи. Но вот беда: никто из них не желает совать руки в раскалённые уголья. Так вот, умники приспособили обезьян таскать каштаны из огня.

– К чему ты мне это рассказываешь?

⁸ Здесь и далее – суфийская поэзия Хизрат Инаят Хана.

– Скажи мне, великий амир. Разве те, кто предлагал открыть ворота – твои люди?

– Что с того, мои, или не мои? – упорствовал Тамерлан.

– Я уверен – не твои, а раз так, они ищут своей выгоды, своих жареных каштанов. Тебе же, увы, отводится роль обезьяны.

– *Да-да, они называют тебя земляным червяком, а еще рыбой!* – зафонтанировал Лис на канале связи. – *Холодной и скользкой. Вали гадов!*

– Должно быть, это кто-то из приближённых Баязида улещивает тебя легкой добычей, – продолжил Хасан. – Ромеи страшатся тебя. Султан же, хотя на себе испытал мощь твоей длани, почитает варваром, которого можно обвести вокруг пальца и заставить действовать как выгодно ему.

Тамерлан хлопнул в ладоши.

– Похоже, ты прав, Хасан Галаади. Я мыслю так же. Но Баязид и его коварные шакалы просчитались. У меня тоже есть выгода. Я вижу её так же ясно, как видел солнце все мои годы. Садись, бери стило и пиши. У меня есть выгода, и у ромеев тоже она есть. Я знаю, где они совпадают.

– *Всё обстояло так, –* докладывал Хасан на базу. – *Тамерлан отправил императору Мануилу прочувствованное, наполненное возвышенной скорбью, письмо, в котором заверил государя, что не намерен воевать с ним, что он сражался с Баязидом, и далее собирается по велению предка своего Чингисхана идти к последнему морю. Он поведал, что тайные враги планируют сдать ему Вечный город, надеясь всласть пограбить столицу ромеев и остаться у власти, когда Тамерлан с войском пойдёт дальше. Потом он заявил, что восхищён Константинополем, и сердце его наполнится болью, если придётся, как заведено обычаем, предать город пламени и соорудить под стенами минарет из отрубленных голов. Тамерлан написал, что ему хорошо известно о путешествии государя ромеев в Европу с целью просить подмоги. Но то, чего он достиг – лишь малая подачка, а не реальная помощь. Напротив, он, Великий амир, предлагает императору свою верную дружбу, и будет рад войти в город не как захватчик, а как собрат. Ибо те, кто столь пренебрежительно унижали Мануила – также и его враги. Дальше шли заверения, что Тамерлан не намерен утеснять христианскую церковь, если та не будет призывать ополчиться против него, что не отдаст город на разграбление, но, наоборот, с целью дальнейшего процветания торговли и ремёсел жёлает расположить в Вечном городе свою походную ставку.*

Затем Тимур призвал к себе одного из пленников, – ромея, знатного патрикия, и велел ему перебежать в город. Татарские лучники стреляли вслед беглецу. Но каждый из них знал: если чья-то стрела достигнет цели, всех без разбора стрелков разорвут на части дикими лошадьми.

Следует думать, вскоре тайный гонец предстал пред императором

Глава 4

*«Когда считают гибель в бою неизбежной – остаются в живых;
когда считают за счастье жизнь – умирают»
У-цзы.*

Над ратушной площадью гремел зычный голос глашатая:

– Слушайте, жители вольного города Гамбурга! Сегодня по приговору магистратского суда на этой площади предаются справедливой и заслуженной казни через усекновение главы семьдесят три злодея, именующих себя братьями витальерами, кои пиратством, грабежами и прочим насилием притесняли жителей славного города Гамбурга и всех прочих городов Ганзейского союза. Вина их ужасна, преступления бесчисленны. Казнь состоится сейчас же по объявлении приговора, и да свершится сие по воле Господа и решению магистратского суда. Сегодня будут казнены Клаус Штёртбеккер, Гедике Михельс, Вичман, магистр Хайнц Вигбольд...

Фамилии прочих «джентльменов удачи» утонули в шуме приветственных голосов. Совсем недавно эскадре Ганзейского союза, несколько лет пытавшейся поймать неуловимых приватиров, вдруг посчастливилось застать врасплох несколько кораблей этих бесстрашных пенителей моря. После короткой жестокой схватки шесть сотен пиратов оказались в плену, причем имена некоторых из них в балтийском приморье нагоняли ужас не только на купцов, но и на местных баронов.

Окрылённый такой удачей, мэр Гамбурга отказался отпустить пленников за выкуп, хотя предводитель витальеров обещал за свободу доставить в Гамбург золотую цепь такой длины, что ею можно будет окружить город по периметру стен. О заманчивом предложении горожане шушукались уже несколько дней. Подумать только, ведь где-то ж цепь лежит, и если Клаусу и его пиратам отрубят головы, этакая уйма золота останется припрятанной. Кто знает, может, и до Страшного Суда! Участь сокровищ внушала определённую жалость к морским разбойникам, и даже к их предводителю. Сейчас тот стоял на эшафоте, с презрением глядя на гомонящую толпу, на палача в неизменном алом колпаке с прорезями для глаз, и, слушая приговор, покусывал рыжий ус. Наконец глашатай умолк, и на эшафот, стуча по ступеням резным посохом, взошёл бургомистр:

– Есть ли у тебя последнее желание? – поглаживая массивный знак бургомистерской власти на груди, надменно поинтересовался городской голова.

– Есть, – осклабился Клаус. И от этой свирепой ухмылки по толпе зевак прокатился сдавленный вздох ужаса.

– Построй моих людей цепочкой, одного за другим. После того, как этот боров отрубит мне голову, я встану и пробегу мимо них. Тех, кого мне удастся миновать, ты помилуешь.

Бургомистр удивлённо развёл пухлыми ручками.

– Не вижу причины для отказа. Тем более, ничего не изменится, если выполнят твою просьбу.

Из толпы раздались заинтересованные крики:

– Вот это да!

– Пусть! Экий выискался!

Заинтригованный не менее прочих, бургомистр милостиво кивнул:

– Хорошо. Раз такова последняя воля – будь по-твоему.

Охочая до зрелищ толпа взорвалась рукоплесканиями и криками одобрения. Спустя несколько минут все приговоренные, цвет братьев-витальеров, стояли цепочкой чуть поодаль от деревянной плахи, хранившей следы множества ударов, пресекших чьи-то дни. С насмеш-

ливой ухмылкой обведя взглядом толпу, пират опустил на колени, примостил голову в углубление и схватился руками за деревянные поручни по обе стороны широкой колоды. Палач не спеша подошёл к жертве, с видом художника оценил её расположение, принял из рук ассистента меч правосудия, взмахнул, опустил, ухнув, и окровавленная голова с жутким оскалом скатилась в подставленную корзину. Но не успел палач обтереть тряпичей орудие казни, как обезглавленный Клаус оттолкнулся руками от сжимаемых мёртвой хваткой деревянных штырей и пошёл, нет, побежал вдоль строя. Толпа взвыла от ужаса и бросилась бы наутёк с ратушной площади, но тут палач, раздосадованный столь резвым поведением трупа, устремился вслед убежавшему пирату с криком: «Стой! Чёртово семя!»

Он уже почти догнал Клауса и даже выставил ногу, чтобы подсесть мёртвого бегуна, но вдруг кто-то с силой ударил палача в коленный сгиб, отчего тот, крича, завалился на спину.

– Куда? – слышался над головой в колпаке жесткий голос, похожий на рык. – Пусть бежит.

Разъяренный палач вскочил на ноги, отпрянул к плахе, схватил меч и с рёвом бросился на обидчика. Богато одетый бородач гигантского роста даже не подумал скрываться или хвататься за оружие.

Заплечных дел мастер с выдохом обрушил меч на глумливого невежу, но тот, не изменяясь в лице, чуть уклонился в сторону, перехватил запястье противника, чуть повернул его и основанием ладони второй руки ударил по плоскости клинка с такой силой, что та прилетела аккуратно в лоб поставщика адской кухни. Череп бедолаги отозвался колокольным звоном, и тот растянулся на земле без чувств. Теряя интерес к нему, гигант перевел взгляд на лежащее в нескольких шагах впереди обезглавленное тело.

– Один, два, три, десять, восемнадцать! – Во всеуслышанье объявил неизвестный. – Впрочем, роли это не играет. Все они помилованы.

– Стража! – возмущённо заголосил бургомистр.

Горожане свистели и улюлюкали, понимая, что наступил истинный праздник, и невесть когда еще удастся посмотреть на такую замечательную казнь. Да и удастся ли? Будет о чём рассказать детям и внукам.

Стражники, лучше бургомистра оценившие воинские навыки громадины-бородача, вяло подчинились команде, опасливо поглядывая на меч у бедра невесть, откуда взявшегося чужестранца.

– Стойте где стоите, – командным голосом рявкнул тот и стражи порядка не замедлили воспользоваться случаем подчиниться четко изложенному приказу.

– Я – Мишель Дюнуар, барон де Катенвиль, – во всеуслышанье объявил бородач с таким видом, будто это имя должно было открывать ворота в Европе так же легко, как мифический «Сезам» – скальную твердь перед Али-Бабой. – Я привёз в Гамбург папское помилование для всех этих господ.

– Какое ещё помилование? – должно быть, не совсем придя в себя от возмущения, завопил бургомистр.

– Да какое угодно. Вот от папы Бонифация IX из Рима, – жестом фокусника Мишель Дюнуар извлёк из рукава пергамент с красной печатью. – Вот – от его святейшества Бенедикта XIII из Авиньона. Потрудитесь снять оковы.

– Но этого не может быть! – возмутился городской голова.

– Многого на свете быть не может. И всё же есть. Однако этот концептуальный вопрос теологии мы оставим на рассмотрение кафедры философии богословского факультета Сорбонны. Я же здесь с простой и понятной целью: эти люди помилованы, и я их забираю.

– Как бы не так!!! – Вне себя от негодования воскликнул бургомистр. – Не для того мы ловили их столько лет, чтобы отпустить!

Мишель Дюнуар покачал головой, хлопнул в ладоши и произнес судьбоносное:

– Мда.

Ожидавшие сигнала на всех крытых галереях ближних домов, на крышах, даже на окнах магистратуры, стали появляться лучники. Волчьи шапки и недобрые взгляды раскосых глаз производили на ошарашенных горожан отнюдь не меньшее впечатление, чем грозные луки с наложенными на тетивы стрелами.

– Я так понимаю, – продолжал гигант, – что налицо мятеж против власти наместника Святого Петра... Полагаю что дело кончится интердиктом.

– Да, но... – меняя тон, заскулил бургомистр.

– Да, – подтвердил Мишель Дюнуар. – Без «но». Я готов забыть об этом прискорбном инциденте, если славный город Гамбург или уж, как вы там договоритесь, весь Ганзейский союз, оплатит 10 вооруженных быстроходных кораблей для этих господ. В свою очередь могу обещать, что вы никогда не увидите их на берегах Балтийского моря. Я внятно излагаю свою мысль?

– Как скажете, монсеньор. Как скажете. – понурил голову бургомистр. – Снять оковы.

Ночь была туманной. Одна из тех сырых ночей, когда в небе не видать луны, и даже волкам становится тоскливо. Вот и сейчас их разноголосый вой разрывая души, плыл над округой, и туман за пределами освещенного пламенем круга то и дело вспыхивал желтыми огоньками волчьих глаз.

– Не нравится мне этот барон, – помешивая уголья в костре сломанной веткой, пробормотал угрюмый детина обличьем не слишком похожий на доброго прихожанина. – Какой-то он...

Мужчина замолчал, подыскивая слова:

– Не такой.

– Что ты имеешь в виду, друг мой, – ответил ему второй, разительно отличающийся от мрачного верзилы-собеседника. – К обличью его больше пошла бы академическая мантия, нежели подложенная стальными пластинами бригандина.

– Ну вот ты, магистр Вигбольд, хоть и образованный, но сразу видать – наш. А этот... Вот он вроде и барон, и все у него как у барона. Вот только чует моё сердце, не барон он.

– А кто же?

– А бес его знает. Я таких людей прежде не встречал. Но чтоб вот так прийти на ратушную площадь Гамбурга и толпу во главе с бургомистром об колено сломать... Не вяжется это у меня.

– Чего не вяжется, Гёдике Михельс? Считай второй раз на свет божий родился.

– Оно, конечно, так. Но вот ведь как всё неладно получается. И приговоры этому барону не указ, и помилование у него на всех нас имеются. Причем слуханное ли дело – от обоих пап! Вот ты, человек, выросший в монастыре, скажи – возможно ли такое?

– Раз есть, стало быть, возможно.

– Э-хе-хех, – поёжился брат-витальер. – Чудно у вас, образованных, голова устроена. Вот ты, магистр семи вольных искусств, а на такой простой вопрос путно ответить не можешь. Мало ли что есть. Коли не может быть, значит, не может.

Гляди. Если бы один папа указ подписал, другой бы наверняка против него выступил. Да и то сказать, к чему мы этим святошам?

– Вот с этого, друг мой Гедике, и следовало начинать, – чуть свысока менторским тоном произнёс магистр Вигбольд. Зачем мы понадобились обоим святейшествам? Уж точно не в крестном ходе дарохранительницы нести. Хоть вези меня обратно в Гамбург и руби там руки-ноги вместе с головой, а я не поверю, чтобы этот барон настоящие указы привёз. Нас всего несколько дней тому назад у Готланда прихватили. Судьи торопились, будто их чёрты в задницу вилами тыкали. Так что будь у барона хоть четыре ноги, как у коня, а всё равно не поспеть от нашего моря в Рим, затем в Авиньон. А потом снова в Гамбург.

– Вот и я о том, – хлопнул себя по колену Михельс.

– Стало быть, избавитель-то наш, по всему получается, мошенник. Причем такой мошенник, что не приведи господь. Шутка ли – папские ордонансы подделать?!

– И то верно.

– Да уж не сомневайся. Теперь давай прибегнем к высокому искусству, именуемому логикой, и попытаемся для себя уяснить, с кем это нам довелось знакомство свести.

– Да как же тут поймёшь?

– Ну не скажи. Известно нам об этом Мишеле Дюнуаре довольно много. Вот, скажем, кому наплевать на святость папских указов?

– Нехристям всяким, – чуть подумав, ответил пират. – Сарацинам. А ещё, ну, ясное дело, народу этих торгашей богопротивных.

– Этот, пожалуй, ни на сарацина, ни на иудея не похож, – покачал головой магистр Виг-больд. – На груди у него крест святой. Вчера, когда он умывался, сам видел. Но ты, друг мой, Гедике, ещё упустил одних неверных, причём тех, кто вот, под носом. Как твои усы.

– А ведь точно, – морской волк хлопнул себя по лбу, – схизматики!

– Они именуют себя православными.

– Так что же выходит? Какой-то схизматик нас от казни спас?

– Выходит, – подтвердил магистр. Я думаю вот что. Этот барон и впрямь из франков. Но тут не так давно ромейский император Мануил и в Италии был, и во Франции, и в Британии – везде себе подмогу искал против османов. Вот этот барон, как пить дать, к нему на службу и подался.

– Ишь ты! Да, лихой парень. – Михельс подбросил веток в огонь. – А эти в лохматых шапках откуда?

– Оттуда же! Император к себе на службу всех берет. Лишь бы умели держать оружие в руках, да против него не умышляли.

– Эти оружие держать умеют, – почтительно вздохнул пират. – Значит, он нас в Константинополь везёт. Небось, на галеры.

В голосе Гедике Михельса послышалась неизбывная тоска.

– Вот это вряд ли. – Покачал головой магистр. – Стал бы он из такой дали галерников везти. Но для чего-то мы императору понадобились.

– Слушай, – Михельс вдруг приподнялся с места. – А помнишь, три года назад мы прямо у самого Любека неф захватили? Там для этого императора меха везли. Может, он нас самостоятельно казнить решил?

– А вот это может быть. Очень даже может быть, – магистр на миг прекратил бросать и ловить на лету еловую шишку. – Эти ромеи, они жуть, какие мстительные.

– Так, может, – Гедике наклонился к товарищу и зашептал на ухо, – может, мы того... Ребят поднимем? Охраны же сейчас почти нет. Тартары к реке ускакали. Мы как раз тихонько этого барона по голове тукнем, чтоб он до полудня не проснулся, и по лесам в обратный путь. А то, ишь! Наобещал с три короба: не появимся мы боле на балтийских берегах! Как же, не появимся, очень даже появимся.

– Это верно. На убой идти не охота. Но и голову барону проламывать тоже нехорошо. Все ж, человеку мы жизнью обязаны.

– Если мозгами пораскинуть – мы Клаусу жизнью обязаны. А с бароном: пока едем – обязаны жизнью, а как приедем – смертью обязаны будем. А тут еще, сам подумай: у него боченок, а в нём – пять тысяч цехинов. Отменные золотые кругляши на десять боевых кораблей. Бургомистр когда их отсчитал, небось, собственным языком подавился.

– Да. Куш изрядный, – глаза магистра семи искусств азартно блеснули. – К тому же этот самый Дюнуар говорил, что корабли для нас, стало быть и деньги, по сути, наши... Но только ж ты не переусердствуй.

– Да ладно, – оскалился Гедике Михельс, – это ж не, как там её, логика. Тут меня учить не надо. Он стянул с головы колпак и начал горстями засыпать его землёй.

– Сделаем так, что и не пискнет.

– Хорошо, давай. Я людей покуда разбужу.

– Замётано. Только пусть лежат и до сигнала не ворочаются. Там, в шатре, мы и вдвоём управимся.

Две тени скользнули в тумане мимо часового к большой палатке, разбитой посреди лагеря. Песок соснового леса глушил шаги, но, кажется почувствовав неведомых гостей, охранник бдительно повернулся на другой бок и трубно захрапел, отгоняя голодных волков.

– Надо бы меч взять, – прошептал один из заговорщиков.

– Потом, – в лад ему ответил второй. – Не ровен час, проснётся. Главное – барона оглушить. С прочими управимся.

Они неслышно прокрались в шатёр. На лежанке, укрывшись длинным походным плащом, лежал двухметровый гигант. В изголовье торчала рукоять меча. Михельс потянулся за ней, но тут же отёрнул руку, получив увесистый тумак от приятеля.

– Нет, договорились же!

Пират со вздохом оставил оружие, размахнулся и обрушил набитый песком колпак на голову спящего.

– Вот так. И не дёрнулся.

– Где тут золото? – Сразу же засуетился Гедике. – Здесь несколько бочонков. Вот этот.

Михельс поддел крышку черешком ложки. Вспышка! Оглушительный грохот потряс шатёр. Вернее, сам шатёр сдуло, как ветром. Контуженные пираты трясли головами, пытаясь восстановить целостность восприятия окружающего мира.

– Зажгите факелы, – раздался чуть в стороне насмешливый голос Мишеля Дюнуара. – С добрым утром, господа!

В тумане вспыхнули огни, и к месту, где только что стояла палатка, в сопровождении дюжины свирепых воинов в волчьих шапках вышел сам хозяин «апартаментов».

– Я вижу, джентльмены, у нас есть повод серьезно поговорить. Гедике Михельс, ваш дурной нрав известен всякому на сотню миль от берегов Северного и Балтийского морей. Но вы, магистр! Вы же учились в Оксфорде!

Вигбольд опустил голову.

– Вы что же, решили, что кто-то из ваших, с позволения сказать, клиентов заказал привести вас для расправы?

– Император Мануил, – хмуро ответил выпускник Оксфорда.

– Ну, хоть не тибетский Далай-Лама. И на том спасибо, – насмешливо хмыкнул Мишель. – Успокойтесь. У меня на вас другие планы. В ближайшее время вы будете переправлены в крымскую Готию. Этот край заселяют выходцы из знакомого вам Готланда. Так что язык похож, разберётесь. Для вас генуэзские мастера строят десять превосходных каракк. Экипажи уже набираются. Ближайшая задача – сделать так, чтобы ни один османский корабль не осмеливался покинуть порт. Вся добыча ваша, я не претендую ни на что.

– Здесь какой-то подвох? – настороженно спросил магистр.

– Если вы исполните все так, как я вам велю, вы или погибнете, или станете богатыми и знатными людьми. Если вы, как сейчас, решите демонстрировать мне свою глупость, погибнете непременно. Как вы только что убедились, все, что вы можете придумать, мне известно на три шага вперёд. Не пытайтесь меня обмануть. Это невозможно. Так же, как невозможно обмануть смерть.

Король Владислав II Польский хмуро смотрел в окно. Во двор Вавельского замка на великолепном гнедом жеребце въезжал незнакомый рыцарь. Монарх изучающим взглядом осматривал неведомого гостя. Золотой дракон на алой попоне и щите рыцаря ни о чем не говорил государю. Ни среди поляков, ни среди тевтонцев, ни уж, тем паче, на родине, в Литве, таким гербом никто не пользовался. За рыцарем следовали три дюжины всадников в характерных одеждах, какие носили только липики-татары, состоявшие на службе его двоюродного брата Витовта.

– Кого это ко мне занесло, – поморщился король.

Точно подслушав его мысли, в зал вошел поручник дворцового подкомория:

– Мой государь! К вам от великого князя Витовта прибыл некий барон де Катенвиль с посланием.

– Что еще нужно моему дорогому братцу? – нахмурился монарх. Ладно, пусть войдет.

Спустя несколько минут рыцарь появился на пороге. За ним в мантии, какую обычно носят выпускники университетов, шествовал мужчина средних лет с обветренным лицом и опалёнными усами. В руках последнего красовался изукрашенный тубус, обтянутый сафьяном.

– Великий князь Литовский Витовт шлёт своему венценосному кузену Ягайло поклон, братский привет и пожелание вечного здоровья, – с поклоном промолвил барон де Катенвиль.

– Если мой кузен запамätовал, – едва разнимая губы процедил самодержец, – меня здесь именуют Владислав II, а вовсе не Ягайло. И потому я бы желал впредь принимать здесь посланцев не от Витовта, а от великого князя Литовского, Александра.

– Это моя вина, ваше величество, – вновь склонил голову гигант.

«Экого молодца Витовт себе заполучил. Уж верно, такой способен не только письма возить. По всему видать, в схватке ему под меч лучше не попадаться. Перемахнет от плеча до просака и не заметит».

Князь отошел от окна и сел на высокий резной трон.

– Да уж понятно, твоя. Где послание?

Рыцарь кивнул учёному мужу. Тот неспешно с почтительной осторожностью извлек из тубуса перевязанный шелковой лентой свиток. Ягайло принял драгоценный пергамент и развернул его. Пробежав строчку за строчкой, он вновь свернул письмо в трубку и начал медленно постукивать им по золоченому подлокотнику.

– Вы давно видели Александра?

– Несколько дней назад, ваше величество.

– Вам не показалось, что он спятил?

– Он был в добром здравии, прекрасном расположении духа, полон сил и производил впечатление человека весьма трезвомыслящего.

– Значит, временное помутнение рассудка случилось с ним именно в тот миг, когда он диктовал сие послание. Я надеюсь, завтра, от силы послезавтра ко двору прибудет новый гонец с извинением за нелепости, которые он пишет.

– Я бы не стал на это полагаться, ваше величество.

– Вы знаете, о чем тут речь?

– Если мне позволено сказать, знаю. Великий князь, поддержав Тохтамыша и, в свою очередь, поддержанный князьями Смоленской и Галицкой земли, выступил против эмира Тамерлана, захватчика и узурпатора, дабы вернуть трон Орды его законному обладателю.

– Что за чушь? – скривился Владислав. – В орде добрая сотня чингизидов, и каждый мнит себя законным правителем. Витовту мало разгрома на Ворскле? И четырех лет не прошло после того позора. Я вижу, ему понравилось бегать подраненным зайцем.

– Ваше величество, победы увеличивают славу, но поражения, если подойти к ним с умом, научают побеждать. К тому же Тамерлан сейчас у стен Константинополя. Ему не до волжских круч.

– Если так, к чему дорогому братцу моя помощь? Пусть берёт свою дружину, наездников Тохтамыша, союзников-руссов и отправляется на легкую прогулку, о которой ты говоришь. А у меня здесь под носом Тевтонский орден. Я не понимаю, с какой стати мне посылать в поддержку Витовту, тьфу ты, Александру, своих воинов. Разве Тамерлан нападает на него? Нет. Он – на Тамерлана.

– Ваше величество, действия великого князя Александра поддержаны римским понтификом. Его святейшество придет в негодование, узнав, что вы отказали в поддержке своему брату в столь богоугодном деле. В свою очередь мне представляется, что папский эдикт, обращённый к великому магистру Тевтонского ордена, поможет вам более, чем тот отряд, который вы снарядите в помощь кузену.

Ягайло исподлобья глянул на барона. «Этот может не только рубить», – подумал он.

– Моя супруга, – медленно начал государь, – королева Ядвига, перед тем, как преподнести мне корону своего народа, взяла обещание, что я не стану посылать её поляков воевать за чужие земли.

– Но вы можете послать тех воинов, которые, служа вам, не являются поляками.

– Говоришь складно. И всё же твои речи пусты. Пока его святейшество не отправил тевтонцам эдикт, запрещающий поднимать оружие против нас и захватывать польские земли, у меня на счету каждый меч. А потому, – Ягайло сделал знак стоявшему в дверях поручнику, – сейчас мы отообедаем. За это время мой камерарий составит ответное письмо Александру.

Король Владислав замолчал, изучающее глядя на барона.

– А то вот еще. Не желаешь ли перейти ко мне? Если ты служишь за деньги, я заплачу больше. Если тебе нужны земли, можешь не сомневаться, за верность я щедро жалую.

– Ни то, ни другое не интересует меня, ваше величество. Но, если пожелаете, я готов заключить с вами пари.

– Пари? Какое пари?

– Обещаю вам, государь, в любом случае оно будет для вас полезно и не обременительно.

– Что ж, я слушаю твои условия.

– Если вы выиграете, я перехожу на службу к польскому королю. Если же случится по-иному, польский король отпускает со мной одного рыцаря, по моему выбору. Тогда вы сможете сказать, что отправили помощь брату.

– Но это будет не поляк, – уточнил заинтересованный Владислав.

– Ну конечно. Я помню о вашем обещании.

– Хорошо. Я согласен. Каково же пари?

Дюнуар поглядел на разложенный слугами обеденный стол.

– Прикажите им поставить передо мной три кружки пива, а перед вами столько же серебряных стопок с горзalkой⁹. Я берусь выпить пиво быстрее, чем вы свой брантвайн или как там у вас его называют...

– Что ж, – рассмеялся Ягайло. – Сегодня хороший день. В моей войске появится ещё один рыцарь.

– Одно условие, – продолжил Дюнуар.

– Какое же?

– Вы ни пальцем, ни жезлом, ни мечом, ни чем-либо другим не касаетесь моих кружек, я не касаюсь ваших стопок.

– Согласен, – рассмеялся король.

Спустя пару минут объемистые глиняные кружки, доверху наполненные вспененным пивом, стояли напротив небольших стопок в виде ушастых голов серебряных грифонов. Руки короля и Дюнуара прикоснулись к сосудам, наполненным живительной влагой. Поручник уда-

⁹ Горзalka – польский аналог водки.

рил об пол жезлом, Ягайло в одно движение опрокинул в рот стопку, крикнул, утер усы рукой, выдохнул, с ухмылкой поглядел, как льется в горло барона тугая пивная струя, пожелал здоровья собравшимся, выпил вторую, но прежде чем успел поставить ее на столешницу, пустая кружка барона де Катенвиля накрыла третью стопку, точно шляпой.

– Э-э-э, – попробовал возмутиться король.

– Вы, ваше величество, не касаетесь моих кружек, я – ваших стопок, – напомнил Дюуар, сдувая пену с новой порции пльзенского. – Не знаю, как вы, государь, но я считаю, что лучшая закуска к пиву – это раки. А потому я бы желал взять у вас рыцаря, у которого в гербе изображен червлёный рак в серебряном поле.

– Ян Жижка? – Припоминая, спросил Владислав II.

– Он самый.

Король покачал головой.

– Что ж, уговор дороже денег. Он твой.

– Монсеньор, – спросил у барона секретарь с обгорелыми бровями, когда они спускались вниз по лестнице. – С эдакой шуткой вы могли взять у короля половину его армии, а не какого-то рыцаря. Мне кажется, вы продешевили.

– Магистр Витбольд, – улыбнулся рыцарь. – Вы ничего не понимаете. Теперь в моем распоряжении есть лучший адмирал – это ты, и лучший полководец в этой части Европы. С такими картами можно играть. А солдаты найдутся.

Глава 5

«Ничто так не связывает руки, как крепкое рукопожатие!»
Савва Морозов

Лис выглянул в коридор и опасливо поглядел по сторонам.

– Тебя никто не видел?

– Слуга на входе в гостиницу, – сознался Камдил.

– Это хреново.

– Что за таинственность? Ты здесь решил устроить подпольный фальшивомонетный двор?

– Идея светлая, – хмыкнул Лис. – Вижу, общение со мной сделает из тебя человека. Но тут ведь такая кака с маком получается: поскольку мы с тобой официально в замке проживаем, этот приют отшельника я снял вроде как для лирических свиданий с прелестными девицами.

– И немало в том преуспел.

– Исключительно для конспирации, – Лис выставил перед собой ладони в отрицающем жесте, – мы беседовали о поэзии Кафки.

– Кафка не писал стихов.

– То-то я чувствовал, беседа не клеится, все в койку тянет.

– Ладно, бог с тобой и с Кафкой. Хотя тут могут быть сомнения. Мне-то зачем прятаться?

– Капитан! Ты наивный, как барашек на лугах счастливой Аркадии. Я же снял эту комнату для свиданий. И тут появляешься ты, гремя бронёй, сверкая блеском стали. Шо о нас подумают?!

– А что подумают? Что я пришел гневно пресечь твои бесчинства. Буквально, положить конец...

– Стоп! Стоп! Стоп! Вот об этом лучше не начинать. Лучше расскажи, что там старина Жан себе думает?

– То, что герцог думает себе – он никому не говорит.

– Ага, и поэтому остаётся невыясненным, думает ли он вообще.

– Лис, ты спросил, дай мне ответить! Его высочество с недоверием отнёсся к известию о том, что император Мануил, которого он совсем недавно принимал в этом же замке и изволил потчевать, как дорогого гостя, что император, с которым он охотился в здешних лесах, император, которого он называл братом, вдруг перешёл на сторону Тамерлана. Он ждёт официальных известий.

– Ага. А покуда наша венгерская прима султанского гарема поёт ему в уши, какой Тамерлан душка и, буквально, любитель всего прекрасного. Кстати, о прекрасном! Вальдар, ты заметил, шо, когда на пиру воробушки крылышками бяк-бяк-бяк-бяк, свечечки затушили – герцог, как водится, бесстрашно пытался завладеть рукой вышеупомянутой прекрасной дамы?

– Честно говоря, не заметил, – сознался Камдил. – Не всем же видеть в темноте как кошка.

– Попрошу без инсинуаций. Как лис! Меня, Рейнара Л'Арсо Д'Орбиньяка, сравнивают с каким-то заменителем кролика!

– Ты начал рассказывать.

– Ну да. Немая сцена по Гоголю. Народ визжит. Птицы с перепугу гадят. Свечи гаснут и тухнут...

Лис сделал глубокомысленную паузу, затем начал с подвыванием:

– В крошечной тьме Жан Бесстрашный тянет свои рыцарственные грабли к нежным перстам этой прелестной девы, этой звезды Востока венгерского разлива и та, будто опешив

в первое мгновение, не решается провести освобождение от захвата с последующим броском и выходом на болевой. Но потом, вдруг, словно почувствовав, как убивается в этот момент Баязид, выдёргивает свои тонкие пальчики из герцогских переносных тисков и мечет в герцога взгляд, от которого начинают дымиться гобелены за спиной его высочества. Можешь сходить посмотреть: еще вчера на нём была сцена охоты, а сегодня они уже там жарят дичь.

– И что с того, – пожал плечами Камдил.

– Капитан, я тут шо-то не вдупил. Кто у нас спец по куртуазным вытребенькам?

– Причем тут куртуазия? Жан Бесстрашный – видный мужчина. Анна тоже безмерно хороша собой...

– Амор-р-р, – протянул Сергей и зыркнул куда-то в сторону потолочных балясин. – Это и ежу понятно. Не о том же речь. Она ж нарочно его подманивает, а потом отталкивает. С понтом: «Ах, я не такая! Я жду трамвая!» Но, поскольку до первого трамвая в Дижоне ещё лет пятьсот, то шо-то это ж значит?

– Это вопрос? Или у тебя имеются какие-то соображения?

– У меня имеются больше, чем соображения. У меня имеется далёкий зарубежный друг, проживающий в непосредственной близости за стеной.

– Сережа, ты разговорил купца?

– К чему такой официоз! Его слугу. Этой породе людей всегда нужна аудитория, чтобы продемонстрировать значимость. А если аудитория ещё и согласна оплачивать обед и ужин...

– Лис, смету подашь в Институт. Что ты узнал?

– Забавная ситуация. Во-первых, этот, с позволения сказать, греческий купец отправился в Европу практически тогда же, когда обретшая свободу венгерская принцесса отбыла к своей такой далёкой, но близкой сердцу кузине. Выехал он действительно из Константинополя, и слуга был нанят там. Но, по его утверждению, до этого хозяин долгие годы торговал на востоке.

– То есть, вероятность, что мы имеем дело с резидентурой Тамерлана, сильно выше среднего. Железный Хромец выпустил птичку, но очень желает её контролировать.

– Вальдар, я тебе больше скажу. Здесь речь идёт не о банальном наблюдении. Буквально, съемка из-под кровати. Слуга то ли жалуется, то ли хвастается, я точно не понял, что на Анну у его хозяина открыт неограниченный кредит с возвратом в следующей жизни. И шо львиная доля немалых заработков торговца уходит на оплату прихотей ее высочества.

– То есть, купец – не резидент. Он из группы обеспечения.

– Может и так, а может, и нет.

– Тогда появляется резонный вопрос. Кто же резидент – сама Анна, или есть еще некто третий? И какова задача этой разведгруппы?

– Тут, брат, тебе карты в руки. Ты ж у нас мастер по окучиванию венценосных особ. Но могу добавить одну забавную информацию. Я б ее проверил, но приказчик божится, что его слова – чистая правда.

– Давай, рассказывай.

– Вроде бы как несколько лет назад Жан Бесстрашный сватал Анну, и вроде бы даже получил добро. Но дальше случилась какая-то маловнятная история, и наша томная красавица всплыла в гареме у Баязида, буквально, Анжелика и султан. Суть истории непонятна, но, как сообщает источник, Анечка на Ванечку разобиделась страшно. Сам понимаешь, первая любовь, рыцарь на белом коне. Мало того, что Жан, так еще и Бесстрашный... И вдруг нате-здрасьте – гаремная камера. И не приехал, не освободил.

– Понял, понял. Для справедливости надо сказать, что герцог пытался. Он был одним из зачинщиков Крестового похода. И под Никополисом искал случая уничтожить Баязида.

– Не сильно помогло.

В эту минуту в дверь постучали. Лис с удивлением поглядел на светило, медленно ползущее по небосводу.

– Солнце в зените. Я ещё никого не жду... Все ушли на фронт! – Голосом призрака чёрного вахтёра прогнусавил Лис.

– А кто же со мной говорит? – Раздался за дверью громогласный бас.

– Магический автоответчик. А будете так стучать – ща возьму в руки волшебный отворот-поворотник.

– Открой, – посоветовал Вальдар. – Это де Буасьер.

Последний поединок во время недавнего герцогского пира живо всплыл в памяти Камдила. Ему не впервой было сталкиваться один на один с разного рода «первыми силачами». Среди них встречались ловкие, и не очень. Бывали и просто грузные, ударом кулака переворачивавшие мясницкую колоду, однако не способные попасть даже в посредственного боксёра. Потому, когда Рауль де Буасьер, лесничий его высочества герцога Бургундского, бочком вошёл в залу, Камдил поглядел на громилу с дежурным интересом. Но стоило прозвучать команде к началу поединка, улыбка быстро сошла с лица оперативника. Да, его соперник не обладал столь изощрённой техникой, не умел уходить от ударов в последний миг, заставляя оппонента проваливаться. Но скорость, с которой летали его руки, и мощь захватов казались просто неправдоподобными.

– *Капитан, сделай уже что-нибудь с ним, или он тебя сделает сам,* – Слышался возбуждённый голос Лиса на канале связи.

– *Сделаешь тут,* – проворчал Вальдар, пытаясь выбраться из мертвой хватки противника.

Тот подхватил посланца императора Востока и, как мяч в корзину, бросил его через ползалы. Предчувствуя нежелательную встречу с мебелью, Камдил умудрился уйти в кувырок и тут же увидел над собою могучего лесничего, по-медвежьки пытающегося навалиться сверху. Как утверждал Лис, дальнейшее произошло очень быстро. Джокер 1 как-то странно извернулся на руках, поймал ноги бургундца в ножницы, затем, ещё не успело тело массивного лесничего грохнуться на пол, зарядил пяткой в челюсть. А затем, оказавшись у него на груди, вцепился в горло. Победа была не просто впечатляющей, она оглушила зрителей. Зал притих. Все замерли, не веря глазам. Такого исхода поединка не ждал никто.

– *Стареешь. Капитан,* – сочувственно вздохнул Лис.

– *Серезж, не подумай, что я оправдываюсь. Помнишь мой бой с медведем в Новгороде? Сейчас у меня было похожее ощущение.*

– *Да ладно!*

– *Вот тебе и ладно.*

В дверь снова грохнули:

– Откроете вы там?

Этот звук оторвал Камдила от воспоминаний.

– Лис, отвори! Ещё не выковали щеколды, которая смогла бы остановить де Буасьера.

Через мгновение герцогский лесничий, наклонив голову, втиснулся в дверь, и только тут стало ясно, сколь мудрым решением было добровольно открыть дверь. За спиной Рауля де Буасьера, габаритами напоминая небольшую крепостную башню, возвышался еще один экземпляр давешнего соперника Вальдара, только моложе.

– Это мой сын, – опуская ненужные приветствия, пророкотал гость. – Младший сын. У меня их, вообще-то, восемь. Этот вот ещё только в силу входит. Я все думал, к кому бы его в оруженосцы определить. Так вот, ежели что, он того...

Камдил с интересом поглядел на юношу. Из под упрямо склонённого, как и у отца, лба смотрели весьма смышленные глаза.

– Я ему приказал. Он будет повиноваться, – не унимался заботливый отец.

Вальдар усмехнулся:

– Что ж! По рукам!

Камдил покачал головой и присвистнул:

– Хороший бросок.

Насаженная на шест голова чучела в старом бацинете¹⁰ сорвалась с основы и, пролетев вместе с вонзившимся в неё топором шагов десять, упала среди корневищ векового дуба.

– Лис! Глянь на всякий случай, нет ли кого поблизости. А то, неровен час, завернёт сюда добрый человек дорогу спросить.

– Ага, тут мы ему последний путь и оформим. Мальчик, ты где научился томагавки кидать?

– Отец сызмальства велел. От заутреней и до обедни.

– У твоего папы недюжинный педагогический дар! – восхитился Сергей.

Кристофер де Буасьер озадаченно уставился на спутника благородного рыцаря:

– Не, у него дара нет. У него своё все. И потом, мы не только топоры кидали.

– А шо ещё? Пламенные взгляды?

Юноша отчего-то покраснел:

– Ну, там, камни, брёвна...

– И прочие тяжёлые предметы. Например, друг друга.

– Оно конечно. Мы с братьями всякий день эдак возились.

– Ладно, хватит разговоров! – Прервал Камдил. – Бери меч.

Верзила со вздохом принял из рук Сергея риттершверт, оглядел его, точно надеясь на то, что клинок сам знает, что ему делать и нехотя принял защиту.

– Мальчик мой, это что?

– Ну, если вы меня будете рубить по правому плечу, я вскидываю оружие вот так, а если изволите атаковать в бедро...

– Забавно, – усмехнулся Вальдар. – Анагрд!

Детина встрепенулся, судорожно поводя клинком справа налево. В этот миг Камдил коротко подал свой меч вперёд, демонстрируя атаку колющим в горло. Радуюсь, что разгадал намерение противника, Кристоф де Буасьер отмахнулся мечом с такой силой, что, виси сбоку туша барана, легко перерубил бы её пополам. Но ни туши, ни барана сбоку не было. Зато перед самым носом ошеломлённого де Буасьера оказалось острие меча. Юнец раздосадовано взревел и попытался отмахнуть его в другую сторону. Острие исчезло и тут же упёрлось в бедро новоявленного оруженосца.

– Так. С мечом придётся изрядно поработать. Что ж ты до таких лет дожил, а ничему не научился?

– Мы, Буасьеры, с топором хороши, – насупился Кристоф.

– Ага. Шо то сало с горчицею.

– Боевая секира – это замечательно, – покачал головой Камдил. – Но меч – первейшее оружие рыцаря. А, кроме того, что ж ты ревешь-то как медведь? В бою необходимо соблюдать хладнокровие.

Кристоф повесил голову и виновато потянул носом воздух.

– Ладно, с этим более-менее понятно. Ну-ка, Лис, покажи ему, как следует пользоваться луком.

– Да легко, – расплылся в улыбке Сергей, вытаскивая из чехла английский ростовой лук и щелчком ставя на него тетиву.

– Малый! – Позвал он. – Возьми-ка бестолковку, которую ты снёс топором, и кинь в сторону во-он того дерева.

Кристоф повиновался, но с заметной неохотой.

¹⁰ Бацинет – вид шлема.

– Ап! – скомандовал Вальдар.

Срубленная башка взлетела, подброшенная могучей рукой сурового юнца, и в тот же миг три стрелы одна за другой догнали её в воздухе и пригвоздили к древесному стволу.

– Мы, Буасьеры, – задирая голову и рассматривая оперение стрел, образовавших практически ровную линию, вздохнул оруженосец, – не признаём луков.

– Это ещё почему? – возмутился Лис.

– Издали бить всякий сможет. А вот ты сойдишь глаза в глаза.

– Да не вопрос, – вскинулся Сергей. – Ты шо, меня на слабо берёшь?

– Лис, – позвал Камдил, – остынь.

– Не, ну капитан! Какой-то молокосос будет здесь пальцы гнуть, а я ему спускать должен?

– Мы, Буасьеры, всегда говорим, что думаем, – упрямо наклонил голову Кристоф.

Камдил взял напарника за плечо, предотвращая атаку:

– Похвальное качество. Чем ещё славен ваш род?

Юноша исподлобья хмуро посмотрел на своего рыцаря.

– Мы, Буасьеры, никого не боимся.

– Недурно. Но для рыцаря маловато. Кроме владения конём и оружием рыцарь должен обладать рядом вежеств. Уметь петь и аккомпанировать себе на лютне, слагать стихи, танцевать куртуазные танцы.

– Мы, Буасьеры, не играем на лютне, – пророкотал оруженосец. – И песен не поём.

– Господи, – всплеснул руками Лис. – Из какого леса ты явился?

– Из нашего. – Не меняясь в лице, сообщил Кристоф.

– Ты что же, правда, вырос в лесу? – Удивлённо переспросил его Вальдар.

– Да. Я же сказал, мы Буасьеры...

– Капитан, окажи мне рыцарскую милость! Заставь своего оруженосца не упоминать больше о нравах своего доблестного рода.

Юноша опять насупился. И было видно, что когда б не благоволил бойкому лучнику доблестный рыцарь Вальдар Камдил, малец не преминул бы ещё раз продемонстрировать, как ловко он пользуется боевым топором.

– Постой, – вдруг меняя тон, произнёс Лис, – а скажи-ка, дружаня, ваш замок часом находится не к северо-востоку от Дижона?

– Там, – Кристоф махнул рукой.

– Это и есть северо-восток, – назидательно проговорил рыцарь.

– Я почему-то так и подумал, – продолжал Сергей. – Судя по фигуре того инвалида с которым ты беседовал в деревне, «они, Буасьеры» никогда не пренебрегали правом первой ночи.

Юноша вновь нахмурился.

– А-ну прекрати!

Камдил свёл брови на переносице.

– Да я шо! Я только хотел узнать, по какую такую воду весь народ свалил.

Оруженосец долгим изучающим взглядом посмотрел на соратника благородного рыцаря, потом на него самого, точно спрашивая разрешения.

– День поминовения Святого Урсуса, – наконец произнёс он.

– А шо, дома поминать нельзя было? Или, там, на постоялом дворе кого оставить.

Юноша, пожав плечами, отвернулся. Затем, точно вспомнив, улыбнулся и сказал:

– А ещё я рисовать умею.

– Что ты рисуешь? – Радуюсь возможности сменить тему разговора, поинтересовался Камдил.

– Всякое. Вот, к примеру...

Он в задумчивости оглянулся, ища чем и на чем привести обещанный пример. Не обнаружив ничего подходящего, он потянул через голову холщёвую рубаху, демонстрируя отменную мускулатуру, затем подошёл к костерку, на котором Сергей ещё недавно варил предусмотрительно захваченный с собой кофе, вытащил потухший уголёк и через несколько минут изобразил на расстеленной поверх щита холстине тощую физиономию с переносицей, в силу жизненных передраг имевшую характерный вид латинской буквы «S».

– О как! – восхитился Сергей. – А шо! Сходство на лице. А скажи, голуба, как ты теперь без рубашки-то пойдёшь?

– Да так одену. Потом отстираю.

– Я те дам, отстираю. Ты чё? С дуба упал? Меня ещё никто никогда не рисовал. Я лучше у тебя рубашку куплю. На вон, плащом накроешься. Если что – скажешь: камизу медведь порвал.

Глаза Кристофа удивлённо расширились:

– Мы Буасьеры...

– Стоп! Стоп! Стоп! Не начинай. Лучше скажи, парень, сколько тебе за рисунок отвалить?

– На. Возьми, если нравится.

Оруженосец удивлённо, но с затаённым удовольствием протянул Лису холщёвую рубаху.

– Мы Буасьеры – род богатый. У нас рубах много. Мы здесь испокон веков лесничими служим.

– Хороший рисунок, – критически оглядывая изображение друга, кивнул Вальдар. – Скажи, кто тебя рисовать учил?

– Никто. Сам умею. В замке книги старые...

– Кристоф! Вот ты хороший парень, – хмыкнул Лис, – но иногда как загнёшь! Я шо этих старых книг не видел? Там же человек как глиста в обмороке. А у тебя – вылитый я.

– Это другая книга, – оскорблённый недоверием, пустился в объяснения юноша. – Её моя троюродная пра-пра-прабабушка велела хранить, покуда она ей не понадобится. Вот с этого фолианта я картинки-то и срисовывал.

– Ну, если пра-пра-пра... – Почесал голову Лис, – то, думаю, родственнице твоей книжения больше не пригодится. Занятно было бы взглянуть, как считаешь, Капитан?

– Отчего же это вдруг не понадобится? – ошарашено спросил Кристоф. – Вот намерен, аккуратно на зимний солнцеворот, она за ней приезжала.

– Оба-на! Пра-пра-пра сама приезжала? Ну, в смысле, не призрак, не вампир? Как там было: «Мумия возвращается»?

– Моя троюродная пра-пра-прабабушка – не призрак, не вампир. Она молода и хороша собой. И была молода и хороша собой ещё во времена святого Урсуса.

– Которые были?..

Кристоф собрался было ответить, но его речь была оборвана появлением одного из оруженосцев герцога Бургундского.

– Насилу отыскал вас, монсиньор, – прыгивая с коня и кланяясь, скороговоркой протаторил он. – Его высочество просит вас срочно пожаловать к нему.

– Что-то произошло?

– Да. Событие неимоверной важности. Полтора часа назад прибыл гонец с Родоса. Как утверждает великий магистр ордена Святого Иоанна Иерусалимского, император Мануил II открыл ворота Константинополя Тамерлану. И не просто открыл, а объявил себя его союзником. Сейчас татарейцы, поддержанные ромейским флотом, движутся к цитадели иоаннитов, Смирне. Рыцари, конечно же, не сложат оружия, как сделал это коварный ромей. Но силы уж больно неравны. Торопитесь, монсеньор, герцог ждёт вас.

Жан Бесстрашный мерил шагами дворцовую залу. Ту самую, где совсем недавно проходило бурное пиршество. Увидев рыцаря Камдила, герцог стремительно развернулся на пятках и зашагал к нему, протягивая руки:

– Входите. Я жду вас.

Заметив за спиной Камдила замершего в поклоне дворецкого, Бургундец резко выдохнул:

– Вон! Да проследи, чтобы никто не приближался к дверям.

Слуга, вероятно привыкший к столь резкому обращению, моментально скрылся из виду. Можно было не сомневаться, что он скорее ляжет костями, чем позволит кому-либо войти.

– Друг мой, – начал герцог. – Вы уже знаете новости?

– Да. Ваш оруженосец известил меня.

– Все сложилось именно так, как вы говорили, – сокрушенно развёл руками потомок королей Арелата. – Нет! Что это я? Все ещё хуже! Кто бы мог подумать, что Мануил способен на столь низкое предательство?

– Тамерлан, – кратко ответил посол. – Впрочем, я не удивлён.

– Ну как же! И полугодом не прошло, как здесь, в этой зале мы беседовали о спасении христианского мира, и он заверял меня, что покуда жив, будет стоять нерушимой стеной...

– Он просил у вас воинов, мой герцог.

– Да, но... Поймите, я не мог ему помочь. После разгрома при Никополисе я сам только восстанавливаю силы. Я дал ему некоторую сумму денег и заверил, что в моём лице он всегда может видеть сердечного друга...

– Думаю, император ромеев был очень растроган, – склонил голову Камдил. – Полагаю, вашему высочеству известно, что такой же ответ он получил от королей Франции и Англии. Император Сигизмунд не соизволил даже принять его.

При упоминании последнего имени Жан Бесстрашный нахмурился.

– Только итальянцы, – продолжил Вальдар, – удосужились снарядить небольшой отряд. Пожалуй, чуть больший, чем эскорт, подобающий венценосной особе в дальнем путешествии.

– Но вы должны понять...

– Конечно же, ваше высочество, я понимаю. Я понимаю, сколь тяжелые времена каждому из европейских монархов приходится ныне переживать. Но также я вынужден понять и Мануила. Пред его воротами стояла объединённая армия Тамерлана и Баязида, и в самом городе тоже имелось несколько тысяч османов, готовых силою открыть ворота. У несчастного императора только и оставался выбор: храбро умереть без всякой пользы, или же согласиться на предложение Тамерлана, надеясь тем самым облегчить участь христианских народов, которые вскоре склонятся пред мечом Железного Хромца.

Жан Бесстрашный прошелся по зале, кусая губы:

– Вы уверены, что Тамерлан не остановится?

– А вы бы, мессир герцог, в таких обстоятельствах остановились?

– Но он же старец!

– И двадцать лет назад он тоже был немолод, однако не так давно полный сил Баязид Молниеносный оказался выжившей из ума черепахой перед этим старцем. А потому, ваше высочество, я вернусь к тому, с чего начал. Если сегодня же вы, герцог, не поднимете своё знамя и не призовете рыцарство Европы отринуть распри и, объединившись, отстоять свой дом, через пару лет вашим нынешним подданным, а если посчастливится, и вам самому придется наблюдать воочию минареты Дижона.

Герцог дёрнул усом, сжав кулаки:

– Я верю, что этого не произойдёт.

– На чём основана ваша вера, мессир?

Герцог помолчал, угрюмо склонил голову и подошёл вплотную к послу.

– Монсиньор. Я хочу, чтобы вы знали правду. Очень надеюсь, что она не покинет этой залы и останется между вами и мной. Мне тяжело говорить то, что вы сейчас услышите, но раз уж его святейшее величество, пресвитер Иоанн, почтил достойным своего доверия именно меня, а не кого-либо иного из европейских монархов, я отвечу тем же. Несколько лет назад, когда османы Баязида вторглись на Балканы, мой отец отправил меня во главе большого отряда рыцарей на помощь Ладиславу, королю Венгрии и Польши. Там я впервые увидел ее высочество Анну, младшую дочь короля. Вы сами недавно имели счастье лицезреть её. Ответьте мне, как мужчина мужчине. Разве возможно не восхититься ею и не полюбить всем сердцем?

– Не думаю, герцог, что вас обрадует мой положительный ответ.

– Я влюбился как мальчишка, каковым тогда и был, – не слушая, продолжал Жан Бесстрашный. – И уж не знаю, на счастье, или на беду, Анна ответила мне взаимностью. Бои шли с переменным успехом, но военная удача все же оказалась не на нашей стороне. Король был вынужден просить мира. Баязид поставил условие: отдать ему в жёны Анну. И если бы просто в жёны – в гарем! Пальцы герцога сошлись на рукояти кинжала.

– Я был в отчаянии. Я был готов убить Баязида, короля Ладислава, себя...

Он замолчал, переводя дух.

– Но, знаете, интересы государства... Я сопровождал Анну и лично передал её посланникам султана. Не могу понять, как в тот день я не сошёл с ума. Стоит ли спрашивать, почему, едва вернувшись в Бургундию, я примкнул к крестовому походу и был одним из его вождей. Но и эта попытка закончилась крахом и обернулась для меня годами плена.

Поверьте, монсеньор посол, даже там, в плену, я был счастлив, ибо за это время трижды видел Анну. Украдкой, всего несколько минут, но я был счастлив. Как вы знаете, моё возвращение в Бургундию оказалось горестным: отец на смертном одре, любимая за тридевять земель, казна пуста, бароны обездолены. Я женился на двоюродной сестре Анны. Не по любви, нет. Как водится – государственные интересы. Продолжение рода, выгодный союз... И вдруг несколько месяцев назад... о чудо! Мне сообщают, что Баязид сокрушен, Анна свободна и направляется сюда. Я снова счастлив.

– Мне рассказывали, – задумчиво начал Камдил, – что прежде, чем отпустить её высочество в Европу, Тамерлан имел с ней долгую беседу.

– Да, это правда. Но вы же слышали голос Анны? Им можно врачевать раны лучше всяких лекарственных мазей. Анна рассказывает, что повелитель тартарейцев весьма разумный и даже мудрый человек. Злая судьба ведёт его все годы жизни, заставляя проливать кровь. Анна говорит, что мало видела людей, так хорошо сведущих в науках и любящих искусство, как Тамерлан. Он буквально очаровывает всякого, с кем изволит разговаривать. Вот и Мануил тому новый пример. К тому же, – продолжал герцог, – эмир предложил Анне помощь.

– В ее путешествии к вам? – предположил Вальдар.

– Нет. В отвоевании того, что Анне принадлежит по законному праву. У короля Ладислава было три дочери. Мария, упокой Господь душу бедняжки с праведниками своими, вышла замуж за императора Сигизмунда, и тот после смерти Ладислава пожелал наложить руку на тестево наследство. Однако средняя дочь покойного короля, Ядвига, успела выйти замуж за предводителя свирепых варваров-северян, Ягайло, и сделать его королём Польши. Венгрия по закону должна принадлежать Анне, но Сигизмунд ещё три года назад короновался священным венцом королей Венгрии – короной святого Стефана.

Жан Бесстрашный перестал ходить по зале и вдохнул полной грудью, точно собираясь нырнуть в воду:

– Я почту себя униженным и недостойным рыцарского звания, если предоставлю, пусть и наилучшему, но сарацинскому владыке помогать восстанавливать справедливость по отношению к любимой мною женщине. Я намерен просить развода у папы. Признаюсь честно: мне всё едино, какого из них. Тот, который первый даст освобождение от уз брака, получит в

благодарность поддержку Бургундии. И не только Бургундии. В ближайшее время я намерен восстановить королевский трон Арелата и, венчавшись законным образом с Анной, объявить войну мерзавцу Сигизмунду. Я клянусь своими золотыми шпорами, что верну моей любимой её наследственные владения и, с Божьей помощью, взойду с ней на императорский трон.

– Понятно, – кивнул посол императора Востока, – поскольку Тамерлан обещал поддержку Анне, вы рассматриваете его как союзника в задуманном вами предприятии.

– Да, – отвернувшись, подтвердил герцог.

– И, вследствие этого, не намерены поднимать оружие против захватчиков?

– Да, – повторил Жан Бесстрашный.

– Вероятно, мне следует незамедлительно покинуть Дижон. Моё присутствие компрометирует ваше высочество в глазах дружественного вам повелителя тартарейцев.

– Постойте, – герцог повернулся. – Мне бы не хотелось, чтобы у вас сложилось обо мне дурное мнение. Я много думал после нашего первого разговора. Если посмотреть непредвзято, Тамерлан своим походом спас Европу от полчищ Баязида. Мы с ним никогда не враждовали и, если сейчас не будем затевать распрю, то ещё можно, по словам Анны, это вполне совпадает с намерениями Железного Хромца, мы сможем жить в мире спокойно и без взаимных обид. Мануил, как вы сами знаете, показал нам, что такое возможно...

– Показал, – усмехнулся Камдил. – Следующими покажут рыцари в Смирне.

Вальдар поклонился:

– С милостивого позволения вашего высочества я могу идти?

– Пожалуй, – рассеянно бросил Жан Бесстрашный. – Оставайтесь пока при дворе. Я отпишу письмо с известием и объяснениями вашему государю и прикажу казначею выбрать подарки для его святейшего величества.

– Вы чрезмерно добры, ваше высочество.

– Ступайте.

Лис ждал во дворе, коротая время в беседе с герцогской челядью.

– Капитан, я все слышал, – отходя навстречу Камдилу, начал он. – Я в шоке. Есть авторитетное мнение, шо Тамерлан нас переиграл, как тех ушастых щенков. Это же надо! Одну Миледи послать в нужное время в нужное место, и все подвески у тебя в кармане. Давненько нами так полы не мыли. Шо будем делать?

Камдил пожал плечами.

– Есть еще резервный вариант. Джиакомо Аттендоло – основоположник династии Сфорца. Но, скажем так, вариант очень резервный. Одно дело – храбрый кондотьер, хотя и весьма толковый. И совсем другое – великий герцог Запада. Но тут надо либо что-то делать с Анной, либо не прими за каламбур, поставить крест на Жане Бесстрашном и радоваться, если он не окажется по ту сторону поля боя.

– Я так понимаю, пока казначей оплакивает матценности, с которыми ему предстоит расстаться, у нас есть время заняться Анной.

– Пожалуй, да. Как минимум надо с ней встретиться без лишних глаз. Кстати о глазах. Куда девался юный де Буасьер?

– За рубашкой уметелился, – усмехнулся Лис. – Правда, за это время уже можно было вырастить лён и из собранного урожая сваять новых рубашек, но мало ли? Может, какая бургундская дама остановила мальчика, дабы полюбоваться его торсом. А! Вон он. Кстати, в рубашке. И, шо показательно, в портках.

– Монсиньор, – едва приблизившись, начал детинушка. – Моя троюродная пра-пра-прабабушка хотела бы свидеться с вами.

– Пра-пра-пра, – линий раз уточнил Лис. – Ты ничего не путаешь?

– Нет, – обижено замотал головой Кристоф. – Но сегодня уже вечер. Завтра – суббота. Стало быть, в воскресенье, если вашей милости будет угодно...

Кадил удивлённо посмотрел на напарника:

– Пожалуй, будет угодно...

Глава 6

«Гостю следует держаться так, чтобы хозяин чувствовал себя как дома».

Хан Батый.

Тамерлан ехал по городу на роскошном туркменском жеребце, покрытом богатым ковром. Не раз и не два Великому амиру доводилось въезжать в побеждённые города. Всякому было известно, что ещё со времён Чингизхана в Орде властвует военный обычай. Если город добровольно открывает ворота и соглашается платить дань, любой грабёж, любое насилие против жителей приравнивается к преступлению против хана. Османские сипахи и янычары рыскали по улицам и площадям вечного города, бросая на горожан яростные взгляды, но не решаясь открыто нарушить указ Железного Хромца. Для особо ретивых грозным напоминанием служил десяток отсечённых голов, выставленных на пиках перед императорским дворцом.

Тамерлан любовался величием огромного города, вернее остатками его величия. После нашествия крестоносцев две сотни лет назад Константинополь так и не смог вернуть себе прежние богатство и могущество. Но все же, даже в таком не праздничном виде, город потрясал красотой древних храмов, огромных цирков, стройностью колонн и величием статуй.

«Конечно, – рассуждал Тимур. – Аллах запретил изображать человека, но ведь эти прекрасные изваяния сделаны до того, как правоверные узнали о воле Аллаха, милостивого, милосердного». Он внимательно выслушивал Хасана Галаади, переводившего слова императора Мануила, любезно вызвавшегося показать владыке тартарейцев ромейскую столицу. Слушая рассказы о прежней славе кесарей-василевсов, Тимур степенно кивал, то и дело бросая взгляд на императора. Османы в один голос говорили, что тот, по неведомому повелению свыше, похож на самого пророка Магомета. Великий амир не мог точно сказать, так, или нет, но достаточно было взглянуть на венценосного провожатого, чтобы уразуметь, что пред тобой государь.

– ...позже выяснилось, что дочь Анны Комнины, Никотея, пыталась злоумышлять против василевса, желая взойти на трон вместо законного наследника, будущего Мануила I. Она уже заручилась поддержкой многих владык северных варваров и, казалось, никто в мире не может остановить её. Однако, господь милостью своей хранил вечный город. Она выпила из кубка, который подала ей рабыня, – рассказывал Мануил, поглаживая гриву своего коня.

– Конечно, вино было отравлено?

– О нет! – улыбнулся император. – Рабыня-персиянка действительно была известна, как непревзойдённая мастерица по изготовлению ядов. Но весь фокус в том, что вино как раз не было отравлено. Никотея незадолго до этого ради удовлетворения своей злобы обрекла рабыню на смерть. Однако та выжила и вздумала отомстить. И не просто умертвить бывшую госпожу, она желала поглядеть ей в глаза перед смертью.

– И что же?

– Когда севаста Никотея поднимала кубок за победу, рабыня сорвала чадру со своего лица.

– Это великий грех, – покачал головой Тамерлан.

– Может, и так. Но, увидев перед собой известную отравительницу, Никотея настолько испугалась, подумав, что вино отравлено, что яда и не понадобилось. Она умерла от неожиданного испуга.

– Поучительная история, – кивнул покоритель мира. – Всегда интересно слушать о преданности, измене и мести. Вот, к примеру, не далее как сегодня султан Баязид прислал ко мне раба с жалобой на тебя. Он пеняет, что ты убил его подданных – воинов Мир-Шах паши, и желает, чтобы ты был наказан за их смерть.

– И какова же твоя воля, великий амир?

– Я был удивлён этим письмом, о чем и сказал султану. Мир-Шах предал его, перейдя к тебе, затем пожелал сменить хозяина и вновь предал. На этот раз и тебя, и Баязида. Ведь опасаясь праведного гнева, он пошёл не к нему, а ко мне.

– Мои люди, умеющие задавать вопросы так, чтобы услышать на них ответ, сообщили мне, что посланец Мир-Шаха побывал у Баязида, и тот посоветовал ему идти к тебе. Он надеялся, что в благодарность...

– Он надеялся, что я как обезьяна, стану таскать для него каштаны из огня. Но Аллах велик. Ни одна обезьяна не живет столь долго, сколь живу я. Замысел султана для меня был так же очевиден, как то, что корабли, стоящие пред нами, пребывают в воде, а не на суше.

Он пришпорил коня, выезжая на пирс, возле которого ровным строем стояли корабли ромейского флота. Наварх, командующий морскими силами некогда великой державы, склонился перед Тамерланом, демонстрируя покорность его воле.

– Готовы ли корабли выйти в море?

– Да, о великий амир.

– Завтра на борт взойдут леванты¹¹. Вы отправитесь к Смирне.

– Но, повелитель, если мне будет позволено сказать, это невозможно. С Эгейского моря движется шторм. Очень сильный шторм. Буря может продолжаться и неделю. Корабли, а тем более корабли, полные войск, пойдут на дно. Даже если каким-то чудом эскадре удастся выйти в Эгейское море и не разбиться о скалы в Дарданеллах, там их ждёт верная гибель. В Эгейском море нет места, где бы по левому или по правому борту с кормы или с носа не был виден какой-либо берег. И корабли и люди погибнут.

– Мне рассказывали о Смирне. Покуда не будет пресечена морская дорога из Венеции туда, взять крепость невозможно. Поэтому флот должен стоять у стен этой твердыни как можно скорее. Сухопутные войска уже двинулись в путь.

– Но есть силы, которые превыше человеческих. Никто не волен изменить путь урагана. Можно лишь полагаться на милость божью и ждать...

Лицо Тамерлана помрачнело так, будто наварх, походя, хлестнул его по щеке.

– Один Аллах велик, – сверкая глазами процедил он. – И он дал мне силу повелевать. Всякий, кто противится мне – изменник, и обречен на смерть. Завтра утром леванты будут выстроены на палубах кораблей. К полудню я и мой верный друг и собрат Мануил будем принимать парад флота на императорской каракке. А потом мы пойдём к Смирне.

– Но, друг мой, – с тревогой начал Мануил. – Как же ураган?

– Урагана не будет, – сквозь зубы процедил Тамерлан и, развернувшись к свите, задал вопрос: – Кто из вас, верные мои, желает, подобно мне, отправиться к Смирне по волнам?

Привыкшие к степям лихие наездники замялись, опасаясь менять верного коня на свои нравные волны.

– Я почту за честь, – негромко, но четко произнес Хасан Галаади.

Море лениво плескалось у пирса. Ветер с явной неохотой переползал с реи на рею, надувая паруса галеасов ровно настолько, чтобы корабли без труда могли совершать манёвры. На легкой зыби Мраморного моря скользили быстроходные многовёсельные галеры, огненосные дромоны, грозные каракки с боевыми площадками на баке и юте, полными султанских левантов.

Вокруг строя эскадры вились легкие османские самбуки, прикрывавшие тяжелые корабли от внезапных атак брандеров.

¹¹ Левант – морской пехотинец Османской империи.

Наварх императорского флота смотрел на Тамерлана. В его взгляде сквозь почтение проступал неподдельный ужас. Вскоре после полуночи ему сообщили, что буря, уже ворвавшаяся в Дарданеллы, вдруг ослабла, точно выдохлась. А к утру от нее не осталось и воспоминания. Яркое весеннее солнце, легкий ветерок – живи и радуйся. Так бы наварх, вероятно и поступил, но весь его тридцатилетний опыт плавания в этих водах гласил, что такого быть не могло.

Между тем Железный Хромец стоял на капитанском мостике рядом с императором, удивлённым, кажется, не меньше наварха, и невозмутимо созерцал мерное движение волн. В отличие от большинства соратников и советников, с явным опасением разглядывающих корабли, он глядел и улыбался, неспешно переговариваясь то с василевсом, то со стоявшим за его спиной Хасаном Галаади.

– Великий Чингисхан, мир праху его, до самых последних дней своей жизни мечтал дойти до Последнего моря. Ему не удалось, хотя нет и не было человека, более могущественного, чем мой великий предок. Но если бы я желал лишь завершить дерзновенный замысел Чингисхана, я бы легко сделал это. Для таких кораблей нет последнего моря.

Тамерлан положил руку на эфес персидской сабли. Индийский жемчуг и афганский лазурит, казалось, вспыхнули и заиграли внутренним огнём от прикосновения хозяина.

– На берегу гонец, – наварх указал жезлом на всадника, мчащегося у самого обреза воды вслед кораблям эскадры, величественно покидающей бухту Золотого Рога.

– Да, я вижу, – хмурясь, ответил Тамерлан. – Что-то подсказывает мне, что он привёз недобрые вести.

– Почему ты так решил, брат мой, великий амир? – Поинтересовался император.

– А вот спроси у него, – Железный Хромец кивнул в сторону Хасана. – Он все знает.

Мануил обратился к дервишу вопросительный взгляд.

– Если бы весть, которую везет гонец, была доброй, радость бы переполняла и его самого. Он бы сорвал кушак, или тюрбан и размахивал им, ибо так лучше видно. – Всадник же машет руками. Он выполняет свой долг, но не рад этому и не жаждет быть замеченным.

– И верно, – улыбнулся Мануил. – Теперь это, и вправду, кажется очевидным.

– Я же говорил. Этот умник проникает в суть вещей так же легко, как всякий иной, глядя в кувшин, говорит, полон он. или пуст.

– Всё ведомо лишь Аллаху, – Хасан воздел руки к небесам, – милостивому, милосердному.

Между тем шлюпка, отправленная за носителем недоброй вести, причалила к берегу. Ещё немного, и он, поднявшись на палубу, увидел спускающегося к нему Тамерлана и рухнул на колени, точно более не в силах был стоять на ногах:

– Не вели казнить, о, Повелитель Счастливых Созвездий, опора и надежда всех правоверных, блистающий меч веры, оплот...

– Хватит, – резко прервал его Тимур. – Что привёз ты?

– Дурные новости, мой повелитель.

– Говори же. Так и быть, я не стану казнить тебя.

– Милость твоя безгранична, о гроза всех гяуров! – Гонец поднял голову, обнадёженный словами Тамерлана. – Тохтамыш, сын шакала и выродок кобры, Тохтамыш, самым шайтаном поставленный склонять голову пред сапогом нечестивца, собрав несметное войско, выступил на Итиль¹². С ним князья руссов. Как говорят, Тохтамыш обещал им, что если вернет себе трон Золотой Орды, на веки вечные передаст все права на земли руссов великому князю Витовту.

– Не тот ли это Витовт, – мрачней на глазах заговорил Тамерлан, – которого Удэгей, племянник мой, разбил на Ворскле и заставил бегством спасать жизнь свою?

– Тот самый, о, владыка правоверных.

¹² Итиль – название р. Волга.

– Вот видишь, мой брат василевс, излишнее милосердие пагубно для слабых умов и неокрепших душ. Когда-то хан Тохтамыш прибежал ко мне, как избитый щенок, спасаясь от родичей своих, лишивших его и отчего дома, и воды, и табунов – всего, чем он владел. Я принял его как сына, держал возле сердца. Я дал ему в управление города и земли, научил воевать. Я выковал клинок из сгибаемой ветром тростинки. Какой же благодарностью ответил мне этот хан? Этот негодный потомок великого Чингиза? Он напал на меня, точно я когда-либо был врагом его. Я преподавал ему урок и хотел верить, что Тохтамыш уразумеет его и придёт, склонив голову и раздирая ногтями грудь. Но нет, он предпочёл вылизывать блюда и глотать кости за никчемным князем гяуров. А теперь вот снова поднял оружие на меня, своего благодетеля!

Железный старец сжал кулаки и где-то вдали, точно заплутавшее подразделение разбитой армии, в небе показалась черная грозовая туча. За горизонтом блеснули зарницы молний.

– Удэгею следовало бы изловить змеёныша после сечи на Ворскле и задавить его.

Тамерлан бросил яростный взгляд на стоявшего рядом императора:

– Знаешь, брат мой василевс, как у нас поступают с изменником? Мы кладем его на живот, садимся сверху, обхватываем рукой за шею и тянем голову назад, пока не сломается хребет.

Мануил нервно сглотнул. Не то чтобы ему никогда не приходилось видеть казни, но никогда прежде он не слышал, чтобы об умерщвлении ближнего рассказывали с таким радостным воодушевлением.

– Так умрет и сам Тохтамыш, и все, кто пошёл за ним, – с мрачным упоением продолжал Тамерлан. – А потом мы отрубим головы, и я велю сложить из них минарет. Он воздел к небесам пальцы, униженные перстнями, и Мануилу показалось, что в одном из них – массивном золотом кольце с рубином на левой руке, сполохом отразилась приближающаяся молния. Раскат грома вторил словам завоевателя.

– *Готиченько*, – почтительно отозвался Лис на канале связи. – *Со спецэффектами у него круто поставлено. Хасан, как «о, великий» делает эти фокусы?*

– *Пока не знаю. Но впечатлён.*

– *Не то слово. Голливуд нервно дымит маринованной в своём ещё не открытом углу.*

– Отправляйся на берег, – Тамерлан обратился на гонца ледяной взор, – скажи к Удэгею. Пусть возьмет два тумена и расправится с этим отродьем шелудивого ишака. Пусть из головы Тохтамыша сделают чашу для пиров, и, оправленную в серебро, привезут ко мне.

– Слушаю и повинуюсь, мой господин, – с облегчением склонился гонец.

– Спешите же! Фирман с моей личной тамгой Удэгей получит до исхода дня.

Эгейское море встречало эскадру безмятежной синью вод, бездонной синью неба и ласкающим ветерком. Казалось, бури никогда не тревожили этот райский уголок. Жители островов, то и дело мелькавших по правому и левому борту, с ужасом глядели на проплывающие мимо корабли. Всякому, жившему здесь, было известно, что время от времени император высылает эскадру, чтобы покарать сарацинских пиратов, а заодно и проверить, нет ли чего интересного на окрестных берегах. Но такой огромной эскадры не видели даже старики. Наблюдая сотни парусов на горизонте, местные жители судачили о том, куда же на сей раз отправляется императорский флот. Но самые дерзкие предположения оставались досужими измышлениями, не находя ни единого подтверждения.

В отличие от доблестных соратников, осмелившихся разделить с Великим амиром тяготы морского похода, ни сам Тамерлан, ни Хасан Галаади не испытывали морской болезни. Железный Хромец стоял, опираясь на перила кормовой надстройки, и внимательно, точно изучая, рассматривал берега возникавших за бортом островов, пока те не терялись в дымке, растворенные горизонтом.

– Это опасные земли, – подытоживая свои наблюдения, он повернулся к Галаади, – здесь множество бухт, где можно спрятать корабли. Отсюда легко нападать внезапно, а потом исчезать бесследно.

– Когда-то так и было, – подтвердил Хасан. Но здесь слишком тепло, и солнце ласково, как райские гурии. Местные жители редко берутся за оружие. Больше всего они любят танцевать и пить вино со своих виноградников.

– Нечестивцы, – вздохнул Тамерлан. – Глупые нечестивцы. Всякий, кто не готов напасть, кто не почитает оружие мерилom высшего блага – в душе раб, и непременно дождется сильного, который придет обратить его в рабство. Хасан Галаади посмотрел на вспененную форштевнем воду, будто искал в ней верные слова.

– Когда людям хорошо и радостно, зачем им кого-то покорять? Они славят бога, как умеют, и, если мы хотим прийти на эти счастливые острова, ни к чему мечи и стрелы, достаточно слов мудреца.

– Слов мудреца не бывает достаточно, – резко отчеканил Тамерлан. – Моя долгая жизнь научила помнить: «Слова о милосердии слышнее тогда, когда в твоей руке меч...»

– ... А в руке врага его нет», – мрачно завершил Галаади.

– Ты знал? – удивился Тамерлан.

– Знал, – пожал плечами Хасан.

– Ты считаешь меня жестоким?

– Вместо ответа позволь мне рассказать тебе притчу.

– В твоих притчах всегда есть смысл. Говори.

– Однажды мудрейший и благословенный халиф Гарун аль Рашид, переодевшись бедняком, пошел ночью гулять по Багдаду. Навстречу ему попался юродивый, который бежал вприпрыжку, то хохоча, то обливаясь слезами. «Откуда ты?» – задал вопрос благословенный халиф, мир праху его. «Я ходил в ад», – ответил убогий. «Зачем?» – спросил его владыка Багдада. «В моей хижине нет огня, чтобы сварить еду, и я решил просить немного пламени у шайтана». И что же ответил тебе враг рода людского? – поинтересовался Гарун аль Рашид. «Он сказал», – смеясь и плача одновременно, отвечивал безумец: «В аду нет огня. Сюда каждый приносит свой огонь».

– Каждый приносит свой огонь, – медленно повторил Тамерлан. – Ты мудр, Хасан Галаади и притча твоя мудра. Но ты ничего не понимаешь.

– Я буду счастлив выслушать тебя, о Великий амир.

– И выслушав, ничего не поймешь. Разве только, подобно тому юродивому, спустишься в ад и выскочишь оттуда, смеясь и плача. Мой огонь спалил Багдад, землю халифов. И семь минаретов, по сотне тысяч голов каждый, славили Аллаха, напоминая, что станется с теми, кто противится воле его.

– На горизонте корабли! – донеслось из вороньего гнезда.¹³ – Венецианские галеры, не менее двадцати выпелов!

В глазах Тамерлана вспыхнул грозный пламень:

– Наварха ко мне!

Командующий эскадрой без малейшей задержки появился перед Железным Хромцом, едва отзвучали слова призыва.

– Скажи, – глядя поверх его склоненной головы, промолвил Повелитель Счастливых Созвездий – ведомо ли, куда идут эти корабли?

– Смею заметить, венецианцы торгуют повсюду, Великий амир.

– И каждый раз ходят такими караванами?

¹³ Воронье гнездо – наблюдательная площадка на мачте.

– Иногда и в большем числе. Воды полны сарацинскими пиратами. Одиноким корабль – лёгкая добыча.

– Это верно... Одиноким корабль – легкая добыча, а тело, отделённое от головы – совсем лёгкая добыча для шакалов и коршунов. Ну, а здесь. – Тамерлан кивнул за борт, – для рыб. Ответь мне, у вас в море принято при встрече приветствовать друг друга и оказывать знаки почтения, как водится на суше*?

– Да, если державы не находятся в состоянии войны, то приветствовать другого морехода – обычай такой старины, что уже, по сути, превратился в закон.

– Вот и прекрасно. Сегодня мой венценосный брат Мануил устроит на борту праздник. Не важно, какой. Он придумает. Ты же наилучшим образом приветствуй венецианцев и пригласи капитанов их кораблей пожаловать на борт.

Венеция ещё не ответила мне за укрытие для принца Мехмеда.

Плач и стон разносился над Эгейским морем. Плач и стон, сопровождаемый резкими хлопками бичей. Командиры и капитаны венецианских галер с неподдельной радостью отмечали победу ромейского флота над пиратами, наводившими ужас на всё средиземноморское побережье. В честь оглушительного триумфа экипажам было выкачено по несколько бочонков отменного хиосского вина.

А уж капитаны, почтенные гости наварха, и вовсе пировали от души. Мимо флагмана, мимо строя венецианских кораблей, спустив флаги, проходили самбуки, полные закованных в железо пленников. И венецианцы, и ромеи встречали каждое новое судно радостным свистом и улюлюканьем. Воздух оглашался угрозами и проклятьями. Сарацины, понутив головы, прятали глаза, стараясь не слышать и не видеть ничего по сторонам. День уже клонился к ночи, из опустошенных бочонков можно было построить небольшой корабль.

Но тут над морем разнеслось:

– Аллах велик!

И венецианцам показалось, что последний кубок вина был лишним. Едва видимые в сумерках быстроходные самбуки начали резко поворачивать, ловя акульными плавниками своих парусов вечерний бриз.

– Аллах велик! – ревели тысячи глоток. Сарацинские корабли по два, по три, по четыре облепляли венецианские галеры, и на палубы с утробным воем, рубя всех, кто попадался под клинок, выплеснулся поток османских левантов.

– Аллах велик! Аллах велик! – заглушая звон оружия и предсмертные крики, несло над волнами.

– Что? Что это? – венецианские капитаны пытались осознать реальность, хватались то за оружие, то за борт, словно желая прыгнуть в воду.

– Переводи, Хасан. – Послышался спокойный голос у них за спиной. – Мне доложили, что эти корабли плыли в Смирну. Я тоже плыву туда, но без них.

Тамерлан повернулся к своим телохранителям.

– Взять этих гяуров и отрубить им головы. Хотя нет. Пусть эти несчастные возблагодарят аллаха, милостивого, милосердного. Я дарую им несколько дней жизни. В цепи их, и в трюм.

Мощные башни запирали вход в залив. Они заперли его еще с тех времен, когда Римская империя безраздельно властвовала на Средиземном море, как на внутреннем озере. С тех пор эти твердокаменные ворота в одну из важнейших крепостей Малой Азии укрепляли ромеи, сарацины, а последние триста лет – рыцари-крестоносцы. Все лучшие фортификационные новшества, прежде чем найти себе применение в Европе, опробовались здесь и тщательнейшим образом изучались, а лишь потом... Смирна – оплот христианства на востоке, с полным основанием считалась неприступной крепостью. Под стать стенам и башням был и гарнизон кре-

пости. Во всей Европе не сыскать было войска более дисциплинированного и боеспособного, нежели рыцари ордена Святого Иоанна Иерусалимского – госпитальеры. Именно этим храбрецам было доверено стоять нерушимой стеной на пути варваров-сарацин. Совсем недавно султан Баязид пытался взять эту твердыню. Но, как ни тщился он, старания ни к чему не привели. И потому император Мануил с интересом наблюдал, чем закончится дерзновенная попытка Тамерлана. Ужасающая расправа, которую учинил его союзник над венецианскими моряками, утвердила василевса в мысли, что согласиться на предложенный союз в его положении было, увы, единственным правильным выбором. Однако симпатии к беспощадному тартарейцу это не прибавляло. Втайне, не делясь мыслями даже с самыми близкими, он желал, чтобы здесь Тамерлан обломал зубы. Он понимал, что вся затея Великого амира с совместным походом предпринята затем, чтобы продемонстрировать Европе реальность их союза, а заодно и прихватить его, василевса, в качестве почётного заложника.

Когда Тамерлану доложили, что Смирна уже близко, он приказал флоту остановиться и не приближаться к берегу на расстояние прямой видимости. Затем, как это было каждый день пути, железный Хромец послал быстроходную самбуку к заранее обусловленному месту на берегу, чтобы отдать приказание войску, идущему по суше, не приближаться к крепости до сигнала. Дождавшись возвращения гонцов, оценив сообщения о передвижении армии, он вознёс молитву Аллаху и отдал приказ начинать.

Изящные венецианские галеры в кильватерном строю двинулись ко входу в залив. На боевых галереях башен тут же появились вооруженные люди. Они возбужденно кричали, приветствуя корабли под знаменем святого Марка. Было чему радоваться: галеры все, как одна, везли в Смирну продовольствие и военные припасы. Так случалось каждую неделю, и каждый приход венецианской эскадры считался праздником. Флагманская галера втянулась в залив. За ней последовала ещё одна. Солдаты на боевых галереях кричали, размахивая оружием и шлемами. Всякому было известно, что Железный Хромец идёт на них войной, что враг уже близко, и бог весть, удастся ли венецианцам продолжать снабжение осаждённой крепости. Солдаты кричали... Как вдруг радостные вопли смолкли, на башнях взвыли сигнальные рожки...

– Они что-то почуяли, – сквозь зрительную трубу вглядываясь вдаль, недобро процедил Тимур.

– Возможно, корабли, проходя в залив, должны были подавать тайный знак.

– Почему же ты, неверный, – Тамерлан гневно посмотрел на старого моряка, – только сейчас говоришь мне об этом?

– Это лишь моё предположение... – Понимая, что находится на волосок от гибели, взмолился наварх: – А венецианцы ни словом не обмолвились.

– Эти неблагодарные порождения морской гадюки еще проклянут свою злосчастную судьбу. Но ты водишь флот, а не сидишь на вёслах. Должен был подумать и разузнать. Из почтения к моему венценосному брату Мануилу я не стану казнить тебя. Но запомни, если вдруг я сочту, что ты изменяешь мне, собственными устами проклянешь лоно, породившее тебя на свет.

Между тем, сигнальные трубы стихли и в разогретом воздухе слышались несколько глухих ударов.

– Требюше¹⁴, – покрываясь испариной прошептал наварх.

Град камней обрушился на первую галеру. За камнями полетели зажигательные стрелы. В считанные минуты передовая, а затем и следующие за ней галеры, разбитые и объятые пламенем, начали погружаться в воду. Вопли радости сменились криками о помощи.

¹⁴ Требюше – камнемётное устройство. Большие требюше способны были метать камни до 130 кг. почти на 300 м.

– Надо приказать остальным галерам отступить, – глядя, как погружаются в пучину совсем недавно столь прекрасные корабли, наварх взволнованно схватился за аграф своего плаща.

– Зачем? – Досадливо поморщился Тамерлан.

– Попытка не удалась. Если галерам не отойти назад, госпитальеры потопят их одна за другой. Слышите этот скрежет? Они поднимают цепь. Вход в залив перекрыт!

Флотоводец поймал на себе холодный взгляд повелителя тартарейцев и в единый миг сник.

– Что за беда, что потопят? Тот, кто умрет сегодня, умрет со славой. И Аллах вознаградит его за верность. Раз вход в залив перекрыт, леванты высадутся на берег и захватят башни. Такова моя воля.

Подать сигнал армии приблизиться к стенам Смирны! Пока у нее есть стены.

Тамерлан поднимался по мокрым и липким от крови ступеням захваченной башни. Кое-где еще тлели деревянные полы и брусья перекрытий. Османы, хлопотливо сортировавшие трупы гяуров и погибших левантов, видя мрачного старца, медленно восходящего на верхнюю боевую галерею, опускались на колени, порою в невысохшие ещё кровавые лужи, и молча ждали, когда пройдет Железный Хромец. Хасан Галаади – переводчик и собеседник Повелителя Счастливых Созвездий, шел за ним с посланием, только что переданным из крепости в ответ на требование сложить оружие и выйти, отдавшись на милость победителя.

– Командор иоаннитов, возглавляющий гарнизон крепости, пишет, – говорил Хасан, – что готов удерживать Смирну против любого врага в любое время. Что ни одному полководцу не одолеть этих стен. А ежели ты, о Великий амир, намерен держать город в осаде, то он, командор, будет счастлив приветствовать тот день, когда провидение задует свечильню твоих лет.

– Вероятно, он смел, этот неверный, – подходя к каменному парапету и устремляя взгляд на видневшиеся невдалеке крепостные стены, медленно проговорил Тамерлан – а чрезмерная смелость делает его неразумным. Этот несчастный всерьез думает, что, командуя горсткой таких же как он, храбрецов, может навязать свою волю стаду безмозглых трусов, весь смысл жизни которых – сохранение этой никчемной жизни. Пиши, Хасан Галаади, и пусть то, что я сейчас продиктую, будет переписано сотни раз. «Я, Тимур, Великий амир и Повелитель Счастливых Созвездий, приказал уничтожить этот город. Дома его будут разрушены, стены обращены в пыль, земля перепахана и засыпана солью. Все, кто будут обнаружены в городе, без различия возраста, пола и состояния, будут обезглавлены. Лишь те, кто выйдет, поклонится мне и признает над собой власть мою, останутся живы. Тем, кто откроет мне ворота Смирны, будет сохранена жизнь и имущество. И всякого, на кого укажут они из родни своей, я помилую. Такова моя воля и воля Аллаха».

– Я записал, о, Великий. Кто доставит написанное в крепость?

– Венецианский капитан.

– Вы отпустите их?

– Зачем? Я и без того был чересчур милостив и сохранил им жизнь. Чем они отплатили мне? Коварством. Никто из них и словом не обмолвился о тех знаках, которыми следовало обмениваться с этими проклятыми башнями. Нельзя прощать измену и коварство. Пусть капитанов, а заодно и всех, кто попал сегодня в плен здесь, отведут к стенам крепости и отрубят головы. Но предварительно засуньте в рот каждому такое послание.

Хасан брезгливо передёрнул плечами.

– Я вижу, тебе это не нравится, Хасан Галаади.

– Не скрою, умерщвление созданий Аллаха всегда печалит меня.

– Те, кто противится воле Аллаха, вызывают праведный гнев Его, и печалится тут не о чем. А потому, Хасан, пусть головы коварных нечестивцев зарядят в камнемёты и обстреляют ими город. Вот тогда и посмотрим, как долго храбрый командор сможет удерживать эти камни.

Глава 7

«Всегда полезно оттачивать свой ум о чужие умы».
Мишель де Монтень

Дюнуар обвёл взглядом четверых шляхтичей, понуро стоящих перед ним.

– Где он?

– Утек, ясновельможный пан, – с тоскливой безысходностью констатировал один из королевских слуг.

– С каких бодунов он утек? – Недобро хмурясь, прорычал барон де Катенвиль.

– Не знаю, что и сказать. – Поляк с трепетом глянул на разгневанного гиганта. Судя по заметной ссадине под глазом, и без того день у шляхтича начался плохо.

– Так, – Дюнуар сосчитал до десяти в одну сторону, потом в другую, потом – то же самое через один. – Вас король послал с незатейливым заданием: привезти сюда рыцаря Яна Жижку. Вы что же, охотились на него посреди большой дороги?

– О нет! Что вы, ясновельможный пан! Как можно? Мы делали, как велел король. Впятером приехали в гостиницу, где квартировал сей рыцарь, я показал королевский указ. Сказал, что государь передаёт его конно и оружно вашей милости. Ян спросил, что вы за человек, я честно сказал: «Не знаю. Не из наших». Но ведь это истинно так, – словно оправдываясь, продолжал королевский гонец. Я же ничего такого не сказал...

– К делу! – Резко перебил его барон.

– Он мне тогда и говорит, мол, я на вашем языке читать не умею, прочти мне, что в указе написано. Я свиток развернул, а пан рыцарь в меня пивной кружкой ка-ак зарядит.

Шляхтич потрогал ссадину, точно демонстрируя неопровержимые доказательства своих безрадостных слов.

– Паны за мечи схватились, и он, значит, тоже. И такое началось! Я вскочил, на подмогу бросился. Но это не человек, а какой-то черт. – Поляк осенился крестом:

– Прости меня, пресвятая Матка Боска Ченстоховска. Мы его и впятером одолеть не смогли. Одного из наших он так помял, что сейчас лекари бедолагу выхаживают.

– Ты мне о Жижке рассказывай, а не о своих терзаниях.

– А что рассказывать? Он окно выбил и выпрыгнул, а там как раз торговец на коне въезжал во двор. Так он купца из седла сдернул, сам вскочил, и – только его и видели. Мы искали, спрашивали, никто ничего сказать не мог.

– Какой был конь?

– Клеппер, – не задумываясь ответил королевский посыльный. – Буланный, на лбу звездочка, передние ноги в чулках.

– Ишь ты, разглядел. И то хорошо. А теперь убирайтесь.

Шляхтичи, сообразив, что расправы не предвидится, быстро ринулись из баронских апартаментов.

– Магистр Вигбольд, ты слышал?

– Слышал, ваша честь, – отозвался пират.

– И что ты на все это скажешь?

– Похоже, этот парень и впрямь стоит трех кружек пива. Но только ж где его теперь искать?

– Как раз это нам и предстоит выяснить.

– За день он мог далеко ускакать, – констатировал магистр Вигбольд.

– Мог ускакать, а мог и нет. Собирайся, отправляемся на розыски.

– Ах, как это не вовремя. Вы и впрямь надеетесь отыскать его?

– Очень надеюсь. Посуди сам: парень выскочил в окно. Уж наверное, перед этим он не собирал вещи и не готовился отправляться в дальний путь.

– Это и так понятно, – хмыкнул знаток изящных искусств.

– Значит, если у него и были деньги, то какая-нибудь мелочь.

– Можно сказать и так.

– Доспехов у него тоже с собой нет, а рыцарь без доспехов... Что тут говорить.

– Как устрица без скорлупы.

– Вот-вот. Вдобавок, и конь чужой. К слову, клепперы – лошадки хоть и не плохие, для путешествий в самый раз, но для боя не годятся – чересчур задумчивые. Стало быть, делай вывод: куда может податься и чем может заняться человек с мечом и без денег.

– Грабежом промышлять, – с лаконичной искренностью ответил выпускник Оксфорда.

– Мда. Что-то на факультете изящных искусств поставлено неверно. Продать меч тому, кто в нем нуждается.

– Скупщику краденого?

Дюнуар патетически вздохнул:

– Злонравия достойные плоды. Хотя мысль интересная. Поторопись, у нас ещё множество дел. Черт побери. С чего бы вдруг Яну Жижке столь бурно реагировать на приглашение короля прибыть в его резиденцию?

Городок Ополе встречал путников распахнутыми воротами и довольно беспечной стражей. Сколько ни тужились привратники вспомнить, покидал, или нет город человек с мечом на довольно примечательном клеппере, да так и не смогли. Они, конечно, слышали, что на днях в «Коронованном гусе» какой-то богемский рыцарь устроил драку и кого-то ранил, но эти одношитные рыцари то и дело устраивают драки. Приказа закрыть ворота не поступало, а выезжал этот чужеземец, или нет... Кому он нужен, тот пусть и следит.

Гостиница «Коронованный гусь» располагалась совсем недалеко от ворот на кривой, поднимавшейся в гору улочке среди довольно густой рощицы. Появление нового посетителя, возможно богатого постояльца, было воспринято как рождественский подарок. Казалось, еще немного – и хозяин вместе с прислугой начнёт водить хоровод вокруг Дюнуара и его вороного, покрытого алой попоной траккена. Следовавший за гостем двуконный возок, за пологом которого хозяин усмотрел человека в ученой мантии, и вовсе погрузили голову трактирщика в непроницаемый золотой туман:

– Готов служить... Все, что угодно... Лучшие комнаты, прекрасная кухня, отличная конюшня, превосходные вина, только лебяжий пух. Ночью соловьи...

– Угомонись! – Рывкнул барон де Каттенвиль. – Я ищу рыцаря, который сбежал пару дней назад.

– Так что, ясновельможный пан не будет останавливаться? – Со скорбью в голосе простонал хозяин гостиницы.

– Ясновельможный пан пообедает и накормит своих людей и коней. Хорошо накормит. А еще он заплатит за информацию. Только самую ясную и полную.

– Да-да, конечно, – услышав, что денежный поток все-таки проложит русло через его гостиницу, воодушевился хозяин. – Все, что пожелаете узнать.

Он распахнул двери перед посетителями.

– ... Ну, прямо сказать, он был никудышный постоялец. Беден, как церковная мышь, зато гонору, как у настоящего пана.

– Что ж ты не отказал ему в жилье и хлебе?

– Иногда он платил. Наш добрый король временами жаловал его. Этот Ян, что там ни говори, большой храбрец. И с оружием ловок, как бестия. Вот и последний случай... Представляете, один на пятерых набросился и одолел.

– Да, я наслышан. – Кивнул Дюнуар. – После этого он появлялся?

– О нет.

– Остались ли какие-нибудь его вещи?

– К счастью да. Ведь он что удумал? Мало того, что со мной не расплатился аж за три месяца, так к тому же сбросил с седла почтенного торговца и ускакал. Хорошо еще, купец не затеял шум поднимать. Я ему мекленбургскую лошадку, на которой Ян ездил, взамен отдал. Он тем и остался доволен. Что сказать, хорошая лошадь. А я вот теперь решил доспехи Яновы продать. Ведь кроме доспехов у него почти ничего и не было.

– Продавать ничего не придется.

– Это как? – похолодел трактирщик.

– Вот королевский указ. Рыцарь Ян Жижка поступает под моё начало конно и оружно. Потрудитесь назвать сумму, которую вам задолжал этот человек, а так же распорядиться отнести его доспехи, щит и все прочее оставленное имущество в мой возок.

– Всё будет исполнено, – глядя на указ с королевской печатью, склонился дугой хозяин гостиницы.

– Да, и вот еще, – остановил его Дюнуар. – Ты сказал, что у Яна почти не было ничего ценного, кроме доспехов и коня. Что ты имел в виду, когда говорил «почти».

– Видите ли, ясновельможный пан, у рыцаря был золотой перстень. Красивый такой, с орлом – подарок короля Владислава за победу в турнире на мечах, что проходил в Довбенском замке. Я давал за него хорошую цену, но рыцарь не пожелал с ним расстаться.

– Понятно, – задумчиво протянул Дюнуар. – А ростовщики в вашем городе есть?

– А то как же?

– Расскажи-ка, приятель, как их найти.

– Как будет угодно ясновельможному пану. Непременно расскажу. А только самый известный среди них, Николо Фрези, ломбардец, скоро и сам будет здесь. Он вызвался оценить доспех.

– Вот и славно. На ловца и зверь... А скажи-ка мне, почтенный хозяин. Это ты пригласил его, или воронье само падаль чует?

– Как слух разнёсся, что пан рыцарь сбежал, так он юнака своего ко мне и прислал. Ян был славен в городе своим доспехом. Отличная миланская броня. Сам король Вацлав Богемский за храбрость ему тот доспех пожаловал.

– А остальные денежные мешки что? За ломбардцем не поспели?

– Выходит, что не поспели.

– Занятный факт. Что ж, где твои лучшие апартаменты? Нам с магистром обед накрой там. И как только придёт твой маэстро Фрези, веди его ко мне.

В дверь апартаментов негромко, чтобы линий раз не встревожить знатного гостя, но в то же время настойчиво постучали.

– Ясновельможный пан желал меня видеть? – Вошедший церемонно поклонился, сняв широкополую шляпу с высокой тульей, под которой так удобно прятать стальной наплешник. Лицо гостя выглядело скорее добродушно, нежели лукаво, и уж тем более не было на нем видно следов коварной алчности. Какой уж там ростовщик! Скорее приятель-собутыльник, всегда готовый ссудить монетой до лучших времён.

– Вы действительно маэстро Николо Фрези? – На всякий случай уточнил Дюнуар.

– Да, это моё имя, – без тени удивления на смуглом лице подтвердил ломбардец.

– Я желал бы переговорить с вами.

– Этот разговор представляет для меня коммерческий интерес? – с места в карьер уточнил добряга.

– Как сказать...

– С точки зрения логики, – из-за спины вошедшего негромко, однако, очень внятно и доходчиво начал магистр Вигбольд, – несомненно представляет. Ибо если вы не станете без запирательства отвечать на вопросы, то вашей коммерции наступит конец.

Ростовщик быстро оглянулся и перехватил взгляд не замеченного им в первую минуту человека, притаившегося у двери. Что-то в этом взгляде недвусмысленно подсказывало коммерсанту, что субъект в ученой мантии с опаленным лицом и глазами, холодными, как осенняя Балтика, вовсе не шутит.

– Что ж, у нас принято ценить логику, – отодвигаясь от ученого мужа к храброму рыцарю, констатировал маэстро Фрези.

– Искренне надеюсь на это, – кивнул Дюнуар. – Итак, вы пришли сюда, чтобы прицениться к доспеху?

– Точно так. Хороший миланский панцирь, кольчуга, наручи, поножи, шлем и щит потянут не меньше пятидесяти цехинов.

– Насколько я понимаю, вы прежде видели этот доспех на рыцаре Яне Жижке, раз так сходу называете сумму.

– Конечно, видел. В городе не так много рыцарей.

– Это верно. Но вот что странно: городская стража у ворот не могла припомнить, выезжал наместник Ян Жижка за крепостные ворота, или нет.

– Они, как водится, галок на башнях считают, – отмахнулся ломбардец.

– И то верно, – согласился Дюнуар. – Где сейчас хорошую стражу найдёшь? Сплошь тупая деревенщина. Но всё же: известный рыцарь на чужом коне мчится из города, причем в поддоспешнике и с мечом на боку. Согласитесь, картина достаточно занятная, чтобы отвлечься от подсчета галок.

– Может так, не знаю, – ростовщик со скучающим видом поднял глаза.

– Всё ты знаешь, морда щучья, – возмутился магистр Вигбольд. – Отвечай, как есть. А то сейчас я тебе вопросы задавать стану. Уж мне ты на все ответишь. Даже какого цвета хвост у адского змия вспомнишь! – Ученый муж с хрустом сжал кулаки.

– Ну, не стоит! Не стоит, – перебил его барон. – Мы тут мило беседуем. Я стараюсь для себя понять всякие мелочи. Вот, к примеру, вы оценили доспех в 50 цехинов. Вас что же, не смутила та вмятина?

– Какая ещё вмятина?

– Ну та, на спинной кирасе, чуть ниже оплечья.

– Что за ерунда? Там же нет никакой вмятины.

– А вам об этом откуда известно? – очень медленно, по слогам спросил Мишель Дюнуар. – Под гербовой коттой и плащом эта часть доспеха не видна.

Ломбардец прикусил губу и почувствовал, как твёрдые клешни ценители логики сжимаются у него на плечах.

– Прикажете в кандалы, мессир?

– Постой. Зачем уж так сразу в кандалы? Если добрейший господин Фрези и дальше будет пытаться водить нас за нос, он ещё успеет в них насидеться. Простите моего друга, он бывает чересчур резок. Как вы желаете отвечать? Для начала на уже заданный мною вопрос или сразу перейдём к тому, куда делся Ян Жижка после бегства из «Коронованного гуся»? А также, каким дивным образом он покинул город.

– Вы ничего не докажете, – побледнел ломбардец.

– Кому? – Участливо поинтересовался Дюнуар.

– Суду, – итальянец расправил плечи.

– Это в ваших городских коммунах суд имеет значение. А здесь вы помогаете скрыться человеку, нарушившему королевский указ, ранившему людей его величества, и никакого суда, кроме Страшного, вам не дожидаться. Вы просто сгниёте в каменном мешке. Так что решайте

сами: мы без лишнего шума уладим нелепую выходку буйного рыцаря и с облегчением забудем о ней, или же, вариант второй...

Дюнуар погладил бороду:

– Впрочем, о нём вы уже слышали. Решайте сами, не буду вас пока неволить. Раздумывайте над своим ответом. А во время этого раздумья я для себя постараюсь ответить на вопрос: для чего бы вдруг честному ломбардскому ростовщику в далекой Польше прикрывать какого-то богемского рыцаря. Лично вам это не кажется странным? Мне, например, – кажется.

Словно пресекая дальнейшие разговоры и ставя жирную точку затянувшейся вступительной части, магистр Вигбольд со стуком поставил на столешницу песочные часы. То ли этот понятный без слов, жест, то ли глумливая усмешка на губах Дюнуара оказали решающее воздействие. Ломбардца прорвало:

– Монсеньор! Я все расскажу, я ни в чем не виноват. Это моя дочь – Джованна. Она просто влюбилась в чертова богемца. Но сами поймите, он – какой ни есть, а дворянин. При гербе, храбрец, каких мало. И король его тоже отличал. А в тот день примчался ко мне Ян, глаза выпучил, как у того рака, что у него на котте. Кричит: «Розмберк отыскал меня! Король ему голову мою отдаёт!»

– Розмберк? – Удивился барон де Каттенвиль. – Кто такой Розмберк?

– Я о том мало что знаю, – начал открещиваться меняла. – Джованна рассказывала, что это сосед Жижки был. Очень богатый, очень знатный. Ему замок Яна приглянулся, а может, земли его. Продать старое поместье Ян и родичи его отказались, так он судейских подкупил, грамоты всякие подделал, и соседские владения отобрал. Ян с этим мириться не захотел. Своими руками замок сжёг. Затем людей собрал и пошёл по вотчинам пана Розмберка. Маетки да усадьбы палить. Долго его ловили. А когда уже почти совсем поймали, на престол Богемии взойшёл новый король, Вацлав. А его, извольте понять, когда он ещё принцем был, тот самый Розмберк в подземелье держал. Вот он в отместку Жижку под защиту взял. С Розмберком ничего поделать не мог – тот при императоре Сигизмунде в большом почете. Так он хоть Яна поддержал. Доспех вот этот самый в знак расположения подарил. Но тут император Сигизмунд на Богемию лапу свою наложил, и пришлось Яну к королю Владиславу на службу идти...

– Стало быть, он решил, что король его пожелал Сигизмунду выдать, – усмехнулся Дюнуар. Нелепая ситуация. Ладно, давайте, рассказывайте, что было дальше.

– Когда Ян Жижка прибежал ко мне...

– Прибежал? – уточнил барон де Катенвиль.

– Вы о коне? Коня он здесь, в роще, бросил. Стали мы думать, куда ему скрыться. Я и предложил. У нас в Италии сейчас храбрецы, умеющие оружие в руках держать, ценятся. На том и порешили. Денег у него с собой не было...

– Зато был золотой перстень с орлом, – напомнил магистр Вигбольд.

– Верно, верно. Он оставил мне его, чтобы я смог выкупить доспехи. Мы договорились, что Ян доберется до Равенны и остановится у моего родича. Я как раз намеревался отослать домой Джованну. Она б дружку своему доспехи и отвезла.

– Дружку, – усмехнулся Дюнуар. – как-то вы не по-доброму с избранником вашей дочери обошлись. Если коня он бросил здесь... Кстати, у хозяина гостиницы надо уточнить, куда же делся конь. Перстень отдал вам для выкупа доспеха. Как же он будет добираться до Равенны? Без денег, без коня...

– Из города шёл обоз в Краков. Мы переодели Жижку возницей, дали ему на дорогу немного денег и еды, договорились с кем надо. До Кракова он доберется, а оттуда скоро должен идти караван в Италию. С моим рекомендательным письмом его возьмут в охрану.

– Понятно, – вновь ухмыльнулся Мишель. – Добрый человек.

– Вы не подумайте. Если он женится на Джованне, я дам этот перстень за ней в приданое!

– Это, конечно, сильно меняет ситуацию. Но к моему делу отношения не имеет. Вы можете ещё что-нибудь рассказать?

– Я ничего боле не знаю.

– Хорошо. Я вам верю. Магистр, проводите нашего любезного гостя и объясните ему по дороге, сколь полезна бывает молчаливость для продления жизни.

Когда магистр Вигбольд, закончив популярную лекцию, вернулся, Мишель Дюнуар, склонившись над столом вычерчивал что-то на расстеленной карте.

– Отправляемся в Краков? – Спросил Вигбольд.

– Зачем? – не отвлекаясь от своего занятия, бросил де Катенвиль.

– Ну, этот же кошель ходячий говорит, что отправил его туда дожидаться каравана?

– И я ему верю, – не отвлекаясь, кивнул барон.

– Тогда что же?

– Если я столь быстро нашёл этот след, то уж людям Розмберка, кто б они ни были, тоже не составило бы труда отыскать его. Бьюсь об заклад, что Ян предпочтёт другой путь.

– Например?

– Основных два: через Хорватию сушей и через Бремен к морю, оттуда кораблем. И то, и другое – опасно. И то, и другое – через земли империи. Но мне почему-то кажется, что он решит плыть морем. Так меньше шансов встретить недобрых знакомых.

– Разумно, – согласился магистр Вигбольд. – Разумно. Однако нам остаётся надеяться, что Ян вновь совершит какую-нибудь ошибку, которая поможет его отыскать.

– *Они шо, все сговорились, как лучшие басурманам Европу слить? – возмущался Лис на канале закрытой связи. – У одного – любовный гон. Он палит из тортов по гостям и нарезает круги вокруг местной Гюльчатой. Другой вздумал играть в Дубровского. Такое ощущение, шо Тамерлан ща осознает, как его игнорируют, и от обиды удавится на собственной чалме.*

– *Это вряд ли, – отвечал Хасан Галаади. – Ему сейчас не до огорчений, он занят любимым делом. Жители Смирны, как получили от великого амира столь оригинальные летающие послания, так с ними буйное помешательство случилось.*

Казалось бы, совсем недавно под этими же стенами стояли османы Баязида, у которых опыта по штурму и осаде мощных крепостей куда больше, чем у Тамерлана с его степной кавалерией. И ничего, заставили Баязида уйти, не солоно хлебавши. А тут – просто мистика какая-то. Горожане от ужаса прониклись какой-то исступлённой храбростью и набросились на рыцарей и сержантов, охранявших ворота. Они дрались насмерть, совершенно позабыв себя, и затем уже над телами растерзанных иоаннитов едва не поубивали друг друга, спеша первыми открыть замки и убрать засовы. Часть рыцарей засела в донжоне и сражалась за каждую пядь двора, за каждую ступеньку. Осознав, что сопротивление бесполезно, подмоги ждать неоткуда, а силы на исходе, рыцари вступили в переговоры с императором Мануилом, желая сдаться ему. Василевс принял их капитуляцию.

– Хорошая новость, – отозвался Камдил.

– Это ещё полновости. Новость плохая. Мануил собрал взятых им под защиту госпитальеров в зале дворца, отведенного под его ставку. А не прошло и часа, как в императорскую резиденцию ворвалась толпа неизвестных, якобы местных жителей. Горстка измождённых безоружных израненных рыцарей не в силах была пресечь так называемую вспышку народного гнева. Пленников связывали кожаными ремнями, а затем совали их головы в мешок с коброй – Тамерлан поклялся предать смерти всех, не пожелавших склониться к его ногам.

– Не думаю, чтобы это могло понравиться Мануилу — констатировал Вальдар.

– Это ему и не нравится. Очень не нравится. Но силы василевса слишком незначительны, чтобы противостоять Железному Хромцу. А ещё утром прибыл гонец от султана Египта. Он тоже набивается в союзники.

– *Шо я могу сказать. Это же какой-то массовый отлив кошке мышьиных слез.*

– Хасан, – задумчиво проговорил Камдил. – *есть ли возможность вбить клин между Тамерланом и его союзниками?*

– *Возможность-то есть, – вздохнул Галаади, – смысла нет. Потому как и Баязид Молниеносный и Мануил боятся Тамерлана больше, чем ненавидят. К слову сказать, сразу после отъезда султанских послов Тамерлан велел сравнивать город с землей. Помилованные жители будут расселены в других областях, подальше от побережья.*

– *И все же, джентльмены, при всех явных минусах в этой ситуации имеется небольшой плюс: ожидание посольства и переговоры дают некоторую фору.* – Предположил Дюнуар.

– *Я бы не слишком на это рассчитывал,* – ответил Вальдар. – *Константинополь и Смирна тоже, как нам казалось, позволяют выиграть не менее полугода.*

– *В любом случае иной возможности нет. Так что работаем по плану. Дразжайший кузен и кум, ты встречаешь Тамерлана в Италии, я наношу фланговый удар на Балканах и в Буджукке. Тохтамыш маневрирует у себя в Сарае, а ты, Хасан, как водится, заставляешь их всех плевать друг в друга ядовитой слюной.*

– *Офигительный план. Нижними полушариями мозга чувствую, что Тамерлан обречен. Осталась всего одна ерундовина. Понять, как мы эти удары будем наносить.*

Увидев подъезжающего к воротам рыцаря на вороном траккене, стражник поудобнее схватил алебарду и сделал ею некое странное движение, отдалённо похожее на салют. Барон де Катенвиль снисходительно кивнул в ответ и хотел, было, прищипорить коня, но тут из ниши, которая используется, чтобы ударить в тыл прорвавшимся врагам, к всаднику кинулась миловидная девушка в простом, но отделанном не без кокетства платье.

– Мессир рыцарь! Умоляю, выслушайте меня!

– Уже делаю это, – Дюнуар осадил скакуна. – Судя по темным глазам и смуглой коже, вы не из этих мест. Я так понимаю, вас зовут Джованна?

– Да-да, я – Джованна. Джованна Фрези. Раз уж вам известно моё имя, значит, вы знаете, что Ян – мой наречённый. Ради вашей матери, ради любимой женщины...

– *Каждой из них и всех сразу,* – не замедлил с комментариями Лис.

– Не ищите его. Ведь вы же можете его не найти? Мир так велик. Я готова заплатить. Вот, держите! – Она протянула всаднику расшитый кошелек. – Здесь больше сотни золотых. Дукаты, флорины. Я бы дала и больше, но это все, что у меня есть. Прошу вас! Он ни в чём не виновен.

– Мда, – рыцарь сурово поглядел на глотающую слёзы девушку. – Рыдать прекратите.

– Я умоляю вас. Вы не знаете, что это за человек.

Дюнуар повернулся к стражнику, достал из поясной сумки серебряную монету и кинул тому:

– Ну-ка воин, сходи, проверь посты. Я тут постерегу.

Увидев в ладони своё полумесячное жалование, стражник не замедлил скрыться в привратничкой.

– Синьорита, – переходя на итальянский, начал барон де Катенвиль. – Вы что же, решили, что я – охотник за головами? Что какой-то там богемский Розмберк или как его там, нанял меня, чтобы отыскать вашего замечательного возлюбленного? Во всей Богемии вместе с Моравией и Хорватией не хватит золота, чтобы нанять меня. Спрячьте ваши флорины и прекратите хлюпать носом.

– Но вы же ищите Яна? – растирая кулаком слезы, всхлипнула Джованна.

– Да, черт возьми! Ищу. И буду молить небеса, чтобы найти его как можно скорее. И если вам известно, где он, синьорита, я готов заплатить вдвое больше, чем вы мне предлагали.

– Я не стану торговать любимым, – гордо выпрямилась итальянка, и в голосе ее зазвенел пафос римской патрицианки, который и в самой-то империи в последние века её существования встречался не часто.

– Идиотизм! – взорвался Мишель Дюнуар. – Где такое видано? Я приехал с приказом моего государя, имя сейчас не важно, предложить этому безземельному разбойнику пост командующего армией, а он бежит от меня, как олень от борзой. Он что, у себя в Богемии не набегался?

– Я не верю вам!

– Ступайте домой, барышня, мы зря теряем время. Как я вам могу доказать истинность своих слов? Поклясться на мече? Дать расписку? Впрочем, вот, полюбуйтесь. Если умеете читать. Это указ великого князя Витовта, дающий Яну Жижке право назначать капитанов, изымать необходимые подводы, фураж, лошадей, волов, лодки и прочее, прочее, прочее у местного населения его именем. Может, это вас убедит.

– Поклянитесь на мече, – глядя на исписанный пергамент, тихо попросила девушка.

– Клянусь и присягаю... – начал Мишель.

Когда он закончил витиеватый текст торжественной клятвы, девушка просияла и тут же задала вопрос, от которого зубы барона заскрежетали, как миланская броня, вскрываемая дисковой пилой:

– Неужели это правда?

– О-оо! – взвыл Дюнуар.

– Вот, передайте ему, когда найдёте, – Джованна вновь протянула кошелёк с золотом.

– Поверьте, щедрость моего сюзерена поистине не имеет границ. Оставьте эти деньги себе.

– Тогда... Тогда, – сеньорита всплеснула руками. – Погодите, не уезжайте. Я очень быстро!

– Вы что же, собрались передать ему в дорогу жареную курицу с огурцами? – усмехнулся рыцарь.

– Нет-нет. Я вышила для Яна портрет, наш с ним вместе. Пусть он напоминает ему обо мне.

– Портрет – дело хорошее. Несите скорее, – скомандовал барон. – Да, кстати. Может, он все-таки сказал куда направляется?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.